

В Е Н Е Д И К Т
ЕРОФЕЕВ

М а л о е
с о б р а н и е
с о ч и н е н и й

18+

Венедикт Ерофеев

**Малое собрание
сочинений (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44+5+6

Ерофеев В. В.

Малое собрание сочинений (сборник) / В. В. Ерофеев —
«Азбука-Аттикус»,

ISBN 978-5-389-16383-6

Всемирную славу Венедикту Ерофееву принесла его знаменитая, переведенная более чем на тридцать языков поэма «Москва – Петушки». И хотя ее герой – Веничка – так и не увидел Красной площади, зато стал поистине народным, а сам автор теперь уже признан классиком русской литературы XX века. Однако творческое наследие Ерофеева – это не только поэма «Москва – Петушки»: это и «Записки психопата» (1956–1958), начатые в 17-летнем возрасте, и пьеса «Вальпургиева ночь» (часть задуманной автором, но неосуществленной трилогии под общим названием «Драй Нэхте»), и так называемые произведения малой прозы, включая сочинение, написанное на вступительных экзаменах во Владимирский педагогический институт, и краткую автобиографию. Этот том станет настоящим подарком для поклонников писателя. В книге присутствует ненормативная лексика.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44+5+6

ISBN 978-5-389-16383-6

© Ерофеев В. В.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Записки психопата	6
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Венедикт Ерофеев

Малое собрание сочинений (сборник)

© Венедикт Ерофеев (наследник), 2019

© Оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Записки психопата

Дневник

14 окт. 1956 г. – 3 янв. 1957 г.

I

«Записки сумасшедшего»

14 октября

Стопп... чортг побери!

Интересно, какому болвану...

Какому дьяволу, спрашивается, интересно меня пугать в третьем часу...

В третьем ли?..

Да, вероятнее всего...

Гм, в третьем... Кто бы это мог быть... Кретинизм же это, в конце концов, черт побери...

Модернизм...

Модернизм? Ха-ха-ха-ха-ха...

Однако, милый мальчик... тебе слишком весело, я бы сказал... и совсем некстати...

Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна и что царственно величье...

Топ... топ... топ... топ... топ...

Топ... Однако. Веселость и романтическая интересуемость потихонечку покидают тебя, милый мальчик...

Мд-а-а... я бы сказал, романтическая обстановочка... ни одного огня... черно... черно, как в заднем проходе Антонины Григорьевны...

Опять оглянуться?

Гм.

А зачем?

Мне это даже начинает нравиться...

Нравиться?

Ха-ха! А ну-ка, проведи по лбу рукой, молчел...

А-а-ага!.. Гы-гы-гы... эх же ты вспотел, молчел... эх же у тебя художественно вибрируют конечности...

– Злорадствуешь?

– Смешно?

Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна и что... Топ... топ... топ... царственно величье холодеющих могил...

15 октября

Ни хуя-а-а!

Алкоголь – спасение!

Ни хуя-а-а!

17 октября

«Выбитый из колеи и потому выжитый из университета и потому выживший из ума...»

Остроумная Григорьевна...

...лошадиный хуй ей в зубы...

18 октября

Сажрем этику!

Раздавим ее лошадиными зубами!

Утопим ее в безднах наших желудков и оскверним пищеварительным соком!

Зальем перцовой горькой настойкой!!

Ах-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

19 октября

Шестьсот? Гм. Шестьсот... Предел? Предел.

А то, может, Яуза...

23 октября

Бр-ред сивой кобылы...

24 октября

18/VIII. Кировск

– Брросим! Брросим!

– Не надо норм!

– Надо! Не больше 20 строк и не меньше восьми!

– К дьяволу максимум!

– Все равно Венька перещепит!

– Еррунда!.. Итак, начнем! Ну, тише, что ли... Даем срок 15 минут!! Рифма и ритм обязательно!! Если хоть одна строка не кончается прилагательным, автор торжественно провозглашается кретином!

– Уррра!!!

– Занявший первое место провозглашается гением, шестое место – идиотом!

– Брось! Начнем! Все равно останешься идиотом!!

– Молчи, Абг'ам!

– Все! Тишина! Я уже засек!

– Ч-ч-ч-ч-ч-ч!

.....

– Все, братцы, кончаем! Пятнадцать минут прошло!

– Еще три минуты! Завершить...

– Хватит!!

– У меня бессмыслица, блядство какое-то!

– У всех, блядь, бессмыслица! Венька, читай первый...

– Да-ава-й!

– Только, извините, у меня слишком длинное... и вам недоступно будет...

– А у кого это доступно-то? Валяй!

– Хгм.

Хладнокровно-ревнивая,
Дева юная, страстная,

Дева страстно-прекрасная,
Боязливо-стыдливая!
Все томишься, бессильная
Сбросить сети, сплетенные
Жуткой жизнью, – могильною,
Точно пропасть бездонная.
Точно пропасть бездонная,
Точно призраки странные,
Вас пугает туманное
Жизни счастье стесненное...
О, не ждите неожиданного,
Не зовите далекого,
Навсегда одинокая
Дева страстно желанная!
Дева страстно желанная,
Вашу участь печальную
Не изменит, безумная,
Даже юность туманная
И мечтанья блестящие –
Не воскреснет бесцельное,
Не проснется мертвящее, –
Нет конца беспредельному!
Нет конца беспредельному, –
Беспредельность бесцельная, –
Как мечтанья бесплодные,
Как напрасность прекрасного,
Как бесстрастность свободного –
И опасность бесстрастного.
Только силы природные –
Сокровенность прекрасного!
Сокровенность прекрасного –
Только лик непрерывного,
Созерцание дивного
И обман сладострастного,
Только звуки желанного,
Море смутно-прекрасное,
Небо вечно-безмолвное,
Ожиданье неожиданного...
Ожиданье неожиданного,
Возрождение бесплодного...
Несказанно-туманная
Нежность силы природного
В вас разбудит желанное
Бытие несравненного,
Благодать неизменного, –
Так не жди же неожиданного!
Так не жди же неожиданного
И не требуй далекого,
Навсегда одинокая

Дева страстно желанная.
Дева смутно-прекрасная,
Боязливо-стыдливая,
До забвенья ревнивая,
До безумия страстная!!!

- Бррраво!
- Брррраво!
- Я свою ерунду отказываюсь читать!
- И я тоже!
- Ерофеев – гений! Уррра!!!

Кировск. 20. VIII

- Ну, сюжет давайте...
- Сюже-эт!!
- Давайте про убийство!..
- Эк ведь сюжетик!
- Ну-ка, Фомочка, начни!..
- Гы-гы...

Иду я однажды по шпалам...

- Ну, идешь, блядь...
- «А ночка темная была», да?
- Ну вас на хер...

Иду я однажды по шпалам. Вдруг... слышу пронзительный крик!

- На хуй! На хуй!
- Посентиментальней! Венък! Действуй!
- Вдруг слышу пронзительный...
- На хуй! Образов нет! Венька! За 5 минут!

Последний солнца луч погас за камышами,
Безмолвье тайное окутало заливы,
Беззвучно плача, шепчут тихо ивы,
Последний солнца луч погас за камышами.
Деревня мирно спит. Но там, в туманной дали,
Будящий тишину, звенит надрывным воем
Безумный, дикий крик, не знающий покоя...
Деревня мирно спит. Но там, в туманной дали,
Кого-то режут...

- Прекрасная пародия, черт побери!
- Талант! Талант!
- Би-и-ис! Брра-аво!!!
- Венък! Свою вчерашнюю штучку прочти нам...
- А ну ее на хуй...
- Боринька! За него!.. «На смерть пса»!

– «Полон жизненной энергии, сердцем жаждущий гуманности, В краткой жизни не изведавший тайной муки наслаждения...»

– Не то! Не то! Это «На смерть Сосо»!

– «Боже мой! Внемли рыданиям! Я убит родными братьями!»

– Это оттуда же!

– Мне последняя строчка нравится:

«Только тихие стенания и неслышные проклятия».

– Веньк! Читай все...

– А ну вас... Стесняюсь...

25 октября

Взаимная ненависть?

Месть за 6-е октября?

Боже мой, – если это так, то какая идиотская злопамятность!

Но ведь было же и 11-е октября!!

28 октября

Абг'ам! Абг'ам!

Повальное.

А им романтика его смерти недоступна.

Ни Мур, ни Муз.

Вернее, ни Муз, ни Мур.

Абг'ам!

Будапешт!!

29 октября

Что ж?

Вот так и стоять всю ночь?

А почему бы нет?

К тому же у тебя в кармане такая милая холодная штучка. И милая, может быть, только потому, что ты до сих пор и не подозревал о ее существовании... А если ее вынуть на свет, как мило она будет блестеть у тебя в руках; пожалуй, даже ослепительней, чем эти фонарные отблески на черной Яузе...

А то, может...

А то, может, пройтись с этой штучкой по комнатам общежития? Взрезать горла всем ненавистным?

Ну, нож – это слишком романтично... Только поэтому я и не стану взрезать самые ненавистные глотки...

Чайником по голове?

Кому?

Гм. Как кому?

Антонине.

Стоит ли портить государственные чайники?!

Портить?

Нет, почему же – портить? Я думаю, ничего не случится с чайником, если им ударить по такой жирной физиономии...

А впрочем, это даже не напускное.

Ненависть?

Взаимная ненависть с примесью тяготения к объекту ненависти?

Именно.

Хм?

Без «хм»! Совершенно искренне!

Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Эк ведь тебя разобрало... Нельзя ли нахохотаться про себя?.. Все спят...

Тише... Тише...

Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды...

А все-таки как притягательно блеснит Яуза... Гм, Яуза... Похабное имя, я бы сказал; имя, пробуждающее чувственность. И только поэтому, может быть, это мой конец... А впрочем, убежденный славянофил, почему тебе нравится это вызывающе-иностранный звук? Как иностранное? Разве я когда-нибудь погружался... в... иностранное...

Ха-ха! И он говорит это с таким видом, будто он действительно погружается! Свеситься наполовину с перил моста, диким взглядом смотреть на ночную Яузу и воображать!..

Почему воображать? Я действительно...

Нет, вы только посмотрите на него! Он действительно!.. Чем же, интересно, до такой степени бесчувственности пленили тебя эти идиотические блики?

Разве только блики?

А то, может, вон те расходящиеся круги слева...

Круги?.. Не вижу...

Он не видит! И это говорит человек, заявивший, что выпил только двести. Неужели же человек, отравленный алкоголем, безвозмездно получает от природы круги под глазами и утрачивает навсегда восприятие всех других природных кругов?

Хе-хе-хе-хе, любитель мрачного одиночества, однако же ты действительно становишься психопатом... Ты злишься?..

Тебе холодно?..

Нет, ничуть! Легкий озноб...

А то, может, тебе плотнее закутаться... Милый мальчик, у тебя даже нет шарфа. Как глупо, однако, ты заявил тогда, что у тебя их два! А ведь она хотела...

Хотела... Однако ж и ты стал заговариваться, милый мой... Я же взрезал ей глотку... Как же можно «хотеть»?..

Этого?

Нет, почему этого! Я уж не настолько пьян, чтобы забыть, что речь идет о шарфе...

А не о глотке... Но ведь опять же это романтично... – и вы, кажется, предпочли чайник, молодой человек... Нетрезвое предпочтение, я бы сказал...

...Гм... Но ведь я вихляюсь перед самыми окнами почты... Может быть, вы хотите сказать, что я весь – одно сплошное нетрезвое предпочтение...

Ха-ха-ха! Однако же вы остроумный шутник, молчел...

Шутник?.. Но мне несколько не теплей ни от своих шуток, ни от ваших комплиментов...

Озноб?

М-да... почти лихорадка... Только, ради бога, не приставайте ко мне ни с шарфом, ни с плотным закутыванием... Я вот даже расстегну плащ...

Боже мой! До чего вы остроумно глупы...

...и трусливы...

Труслив?..

М-да!.. Вы, как огня, боитесь банальщины... Вы бродите по ночам только потому, что спят другие; вы ненавидите всех нравящихся вам, потому что вам кажется тривиальным любить любимых и ненавидеть ненавистных... вот теперь вы легкомысленно расстегнули свой плащ...

В то время, как другой на моем месте глубокомысленно застегнул бы его...

Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Однако же вы продолжаете острить. Не понимаю, почему созерцание ночной Яузы заставляет вас дешево острить и играть словами...

Разве только это?

Да, конечно, конечно, вы бы не прочь обмакнуть гениальные фалды вашего платья в объект вашего созерцания... Может быть, только потому вы так ревностно протестовали против шарфа... Я бы не советовал вам протестовать...

Сейчас?

Ну, хотя бы даже и сейчас! Может быть, вы опасаетесь того, что намокнувший шарф потянет вас ко дну?

Но разве ж можно смачивать только фалды плаща, бросившись с моста... Да и если вы даже не хотите бросаться, а нечаянно упадете, то уж не такая и большая тяжесть – шарф...

Да... но я, кажется, не собираюсь ни бросаться, ни нечаянно падать...

Как?! Вы даже не собираетесь? Вы боитесь озноба?! Ха-ха-ха-ха! Или, может быть, вам это кажется банальным?... В таком случае, извините за любопытство, что же вы хотите предпринимать... Может быть, вам кажется банальным быть самим собой...

Да, но ведь я не жалею себя...

И прекрасно! Но вы тяготите других, – и не лучше ли быть «другим» и тяготить самого себя...

Прекрасная мысль, я бы сказал... но «кем»?

Кем? Хо-хо... Однако ж вам стало жарко, и вы, по обыкновению, стали восторгаться тем, что вам не нравится... Может, вы хотите заполучить прядь рыжих волос, очки плюс трудолюбие – и спать на второй постели от окна?

Может быть, вам подарить мощные бицепсы, белорусское происхождение и презрение к мировому искусству?

Не хочешь? Гм! Право, я первый раз встречаю такого упряма...

Хочешь, я расширю немного тебе глаза, ускорю и развинчу твою походку, заранее перескажу тебе содержимое всех романов Хаксли и Олдингтона, – и сменю Бальмонта на Пастернака...

Опять – «нет»?

Хм, но ты подумай, какую возможность ты выпускаешь из рук... Ты сможешь тогда ошарашивать каждого любителя поэзии довольно-таки остроумным рефреном:

Он тебе не муж?

Нет.

Веришь в воскресенье душ?

Нет.

Нравится?

Нет.

Крр-рретин!

Каково? Опять качаешь головой? Между прочим, я бы посоветовал тебе поосторожней качать. Кепка может слететь в воду... Да! Гениальная мысль!

Я совершенно упустил из виду предложить вам перевоплотиться в женское естество!.. Разве уж так трудно укоротить человека, подкрасить ему глаза, затянуть эдаким нежным жирком его круп и прилепить сзади две отвратительные косы... Вы представляете, с каким вождением будут смотреть на ваши меланхолические перси все рекомендованные мною ранее... И вы будете, уже не стесняясь, приходить в их комнату и поверять самому себе тайны страдальческой личной жизни своей... Вы с деланым равнодушием будете проходить мимо трюмо, чтобы, мимоходом окинув взглядом свои округлости и подсчитав их, с удовлетворением убедиться, что все четыре на месте и в смысле полноты бешено прогрессируют... Вы самому себе

не будете уже, конечно, угрожать ни ножом, ни чайником и застрахуете свою жирную физиономию, равно как и горло, от романтических и неромантических ударов... Вы сможете тогда подарить шарф самому себе – предохранить себя от озноба и...

...обеспечить большую интенсивность движения ко дну...

Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Расшевелил-таки я вас и, по-видимому, напрасно... Пока я рассыпался и бросал слова на ветер, вы лелеяли одну и ту же мечту и совсем не думали отбросить в сторону ваше вздорное желание... Интересно, какой оригинальный способ «бросания» выдумаете вы, молодой человек?... Или, может быть, вы ожидаете, что она сама поднимется к вам...

Кто она?

Я-у-за!!

Яуза? Хе! Извините за нескромный вопрос, но не кажется ли вам, что она и без того поднимается...

Что-о-о? Яуза?!!

Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Ох-хо-ха-ха-ха!

Нет, вы только послушайте... ха-ха-ха... этого пппсихопата... ха-ха-ха-ха-ха!

Нет, вы не смейтесь! Я говорю совершенно серьезно... Помните, вы говорили о расходящихся кругах? Помните?! Я вижу их! Вижу! Я рассмотрю их, когда они подымутся выше...

Нет, это совсем не круги!.. Это просто плавают насекомые... Вы слышите меня? Это совсем не круги... это такие крохотные, жалкие насекомые...

...вот посмотрите, как они мило ползают у меня по рукам... Я же говорю вам, что это совсем не круги... Куда вы делись? Monsieur Rassudock, куда вы ушли?

Ах, теперь я все понял... Вы бросились в Яузу... Их-хи-хи-хи-хи... И все-таки я оригинальней вас...

...и все-таки я жалею вас, вам так холодно... вас знобит, и вам даже не успели подарить шарфа... к тому же лишняя тяжесть так нужна была вам сейчас... она уменьшила бы ваши страдания...

Ах, как мне жалко вас! Вы даже не видели этих милых, крохотных насекомых... Если бы вы их увидели!..

...О, если бы вы увидели их!.. Вы поняли бы, милый покойник, как глубоко вы заблуждались, когда принимали их за круги и как грубо оскорбили вы их этим заблуждением... Они никогда не простят вам этого...

Никогда... не простят...

А ведь они такие мягкие, пушистые... и такие ласковые...

Ах, если бы вы посмотрели, любимый мой покойник, как они льнут ко мне, как они любят меня... как жаль, что вы сошли в могилу, так и не разгадав всей тайны этих милых животных, которые заставляют меня своей лаской позабыть даже о том, что вода затопляет меня...

Нет, вы только посмотрите, как осторожно они щекочут меня... как они смелы и беспринципны, как мило они шевелятся уже у меня в носу и как поэтому они, наверное, нежно любят Бальмонта...

А-а-а-а-а...

...пчхи!!

31 октября

Ради бога, не касайтесь меня своими грязными руками!..

Зачем это?

Не надо...

Я хочу курить.

7–8 ноября

Чрезвычайно забавно. Почти пятнадцатиминутное созерцание только что извергнутой рвоты неизбежно поставило передо мной сегодня довольно-таки актуальный вопрос:

Имеет ли рвота национальные особенности?

Мысленное сравнение грузинской рвоты, извержение которой я только что недавно имел удовольствие созерцать в метро, – и этой, раскинувшейся похабно передо мной и всем своим крикливым видом с гордостью заявлявшей о своем русском происхождении, – не дало никакого положительного результата.

А впрочем, легкое сходство есть...

И это сходство еще раз заставило меня сожалеть о постепенном сглаживании национальных различий...

Ах, если бы был Сосо!..

10 ноября

Нет, вы только подумайте!

Я не собираюсь преувеличивать!

Нет, это было на самом деле, – иначе зачем я стал бы говорить, что я не собираюсь преувеличивать!

Да, это было на самом деле...

...и я до сих пор помню искаженное ужасом лицо Майи Полидвы, когда на ее спину вскарабкался Курников и провозглашал очередной тост...

...и мне было жалко ее...

...не менее жалко, чем Никонову, которая только что отрезала себе левую ногу и, периодически всхлипывая, лежала в луже крови...

...и я негодовал на Курникова за то, что он тяжестью своего тела заставил исказиться ужасом обычно такое милое и привлекательное личико Майи...

...может быть, вы не верите, что я действительно негодовал...

...но если бы все мое существо не было в тот же миг охвачено огнем благородного негодования, разве ж я мог тогда пропустить мимо ушей восторженные крики Музыкантовой и Савельева, снявших с себя штаны, с невероятным шумом выпускавших воздух из заднего прохода и прославлявших полковника Насера и судороги сладострастия...

...и вы видели все это...

...и вы знаете, что все это не коснулось моего уха...

...и вы все же продолжаете настаивать и заверять меня, что я видел перед собой только Остаеву...

...да, я видел краем глаза, как она корчилась в родовых муках у ног Ли Фын-лина...

...и я даже не удивлялся тому, что Ли Фын-лин слишком равнодушно воспринимал все окружающее...

...нет, вы не подумайте, что я с вождением смотрел на него...

...напротив, я только удивлялся, как можно, устремив глаза вдаль и мрачно сплевывая, попадать плевками точно на остаевский пуп...

...и я даже проникся уважением к китайской нации...

...а вы испуганно смотрели на огромный живот Остаевой и жалели ее...

...да, вы испуганно смотрели на нее...

...у вас расширились глаза от страха и дрожал подбородок...

...да, да, не отнекивайтесь, как сейчас помню, у вас дрожал подбородок...

...а я не жалел ее...

...нет, я не жалел ее, потому что ее оскаленные желтые зубы и этот грязный оплеванный пуп осквернили мое эстетическое чувство...

...и я жалел себя потому, что не мог пожалеть достойного жалости...

...вы не верите?

Вам кажется, что все это я преувеличиваю?

Но ведь я так ясно ощущал все это...

Так разве ж можно говорить о том, что я преувеличиваю, даже после того, как я заявил, что все это я действительно ясно ощущал?..

11 ноября

Ах, ну зачем же так откровенно?..

12 ноября

И потом – этот свет!
Он не нравился мне!
Мало того – он раздражал!
Нет, он попросту выводил из себя!
Хотелось бешено крикнуть: «к черту!»
Хотелось встать.
Подойти.
Разбить.

* * *

Не встал.
Пытался привыкнуть.
Темнота стала мечтой.
Грезилось – ночь, пустота...
Но грезы потускнели...

* * *

А свет горел

* * *

А свет горел.
Не яркость его раздражала меня.
А бессилие мечты о тьме.
И я плюнул.
Плюнул из темноты.
И восторгался ответным шипением.
И упивался дивной музыкой зубовного скрежета.
На большее я был не способен.

Я упал и закрыл глаза.

* * *

А он все горел, этот свет...
И освещал меня...
И баюкал, и навевал дрему...
И тихо шептал, обещая счастье...
А я, улыбаясь ему, засыпал...

* * *

И для меня все померкло...

* * *

А свет звал...
А свет силился разбудить мертвого...
И слабо стонал...
И тихо плакал, умиляясь своей беспомощностью...

13 ноября

А злопамятностью меня таки не испугаешь... Седьмое, восьмое, девятое, десятое?
Только четыре.
И к тому же прошлое.
А не лучше ли вспомнить просто:
Одиннадцатое девятого.
А?

16 ноября

Нет, меня положительно обуревают оптимизм. Едакое идиотическое благодушие и умиротворенность. И кажется, ничто не может изменить моего настроения.

Даже если завтра Марья Трофимовна будет писать приказ о моем отчислении, я буду восхищаться голубизной жилок, облакающих ее очаровательную конечность...

17 ноября

– Бе-е-е-э-э!

П-паразитальное хладнокровие! Нет, теперь уже решительно его не раздражишь...

Ну, хоть моргнуть одним глазом для приличия, что ли... Показать, что злоба и вызывающее поведение постороннего трогают...

Ну, не трогают – ну, задевают, вселяют недоумение...

– Бе-е-е-е-э-э!

Нет, милый мой, я таки не отстану от тебя, пока ты не разразишься шестиэтажным ругательством...

Я даже подойду ближе, чтобы созерцание нервного подрагивания твоих мясистых волокон доставило мне больше удовольствия...

Их-хи-хи-хи-хи-хи!

Нет, Впрочем, я даже сомневаюсь в наличии у вас каких бы то ни было волокон и самого элементарного самолюбия...

Неужели же вы напились до такой степени?

А? Маладой человек, я вас спрашиваю!

Маладой ччеловек!!

Гм...

Извините за выражение, какого хуя вы устремили взор в пустоту? Вы же знаете, что я считаю крайней степенью тупости разбрасывание подобных взоров... А ваше молчание после Альберта Розенбаума ничуть не оригинально...

Может быть, вы принципиально не желаете осквернять себя разговором с пьяным? Может быть, вы дали зарок молчания?

В таком случае я восхищаюсь вами, мне даже начинает нравиться ваше болезненное молчание...

Вы, вероятно, марксист?

Или наоборот – донор?

А?

Гм...

Извините за любопытство, – в таком случае, как вы относитесь к проблеме создания искусственного спутника Земли? Вы, конечно, считаете это утопией... Вы, может быть, опасаетесь того, что спутник обрушится с высоты на ваш кров и раздавит ваших детей...

Между прочим, у вас есть дети? Да, да, у вас, конечно есть дети и... извините... супруга... Вероятно, едакая пушистая, идейная, начитанная... и любит вас до потери здравого рассудка...

Нет, почему же, вы вполне достойны ее любви... Благородные очертания, я бы сказал... притягательная шевелюра, небесный взор... Хе-хе-хе-хе-е...

Нет, я бы не прочь познакомиться с вашей семьей, и с вашей супругой в частности. Вы, конечно, не откажете мне в удовольствии пригласить вас к себе...

Нет, это совсем недалеко... к тому же дружеская беседа в обществе прекрасных моих соседей скрасит ваше утомление длительным путешествием...

Представляете, дружеская беседа в кругу... м-м-м... благосклонных к вам... пробки... туманное восприятие мира, дружеское пожуривание полковника Насера и Имре Надя... всеобщее восторжение слабостями человеческими...

А ваша трогательная молчаливость приведет их в восхищение и еще раз заставит их убедиться в моем неповторимом умении завязывать умные знакомства...

Нет, что вы! Избиений не будет...

Мало того – не будет ни единого намека на оскорбление личности. Ведь вы ж уже могли убедиться, что я человек слишком мягкий и гуманный и склонность к оскорблениям проявляется у меня далеко не каждый день... Впрочем, и последние прощаются мне слишком легко...

Нет, я в этом совершенно убежден, после целого ряда инцидентов с дамой, к которой я питал когда-то небесную страсть...

Нет, вы не подумайте, ради бога, что я и до сих пор «питаю» что-нибудь к этой пышногрудой и толстозадой хандрячке... Что вы!.. Скорее, наоборот...

Вы представляете, эта дама порывалась уже три раза посвящать меня в тайны личных страданий своих. И всякий раз встречала с моей стороны такое грубое безучастие и равноду-

шие к последним, что немедленно выходила из комнаты, ошарашенная моими неуместными колкостями и грубой бестактностью...

Нет, что вы, я не собирался оскорблять ее; напротив, я извлекал из своего нутра весь запас своей природной мягкости; но ведь вы знаете, что я презираю счастливых и, наоборот, до такой степени идиотизма уважаю всех несчастных, что не могу не захохотать над ними...

Да и как не заденет человека даже осторожная колкость, ежели перед его заплаканными глазами маячат статистические данные пережитых им страданий... Хе-хе-хе-е...

Ах, не считайте меня бездушным!.. Просто хорошее расположение духа выбивает из меня душевность... К тому же в данный момент мои восприятия обостренно-поверхностны, как об этом свидетельствует В-Мир Мур-В, а впечатления бессвязно-четкие, хи-хи...

Я весел, как марш Иванова-Радкевича, и хочу, чтобы и вы были счастливы и хохотали во все горло...

Нет, скажите все-таки мне, отчего вы так сумрачны... вы даже не хотите взглянуть на меня, вы по-прежнему смотрите вдаль... и ваше лицо по-прежнему безучастно... Неужели же вас так зачаровала эта глупенькая ночь...

Вы плачете?

Ах, зачем же плакать? Может, я обидел вас?..

Гм...

Но и разжалобить вас я не хотел... Нет, скажите все-таки, отчего вы плачете?..

Вы слышите меня?!

Чччерт... я вас спрашиваю!!!

Раскройте свою пасть и утрите холодные сопли!.. Нашли же занятие – в сопли перерабатывать свой гуманизм!! Черт возьми!

Вы агент??

Я в вас спрашиваю... ввы – агент?!

Ддьявол!!!!

.....

Гграждане! Почему бы мне не заменить эту гранитную болванку чем-нибудь более мягким!!

Я умираю от жесткости!!

Граждане! Не будьте так немилосердны! Дайте мне глоток чего-нибудь бесформенного!

Я жажду воды!! Меня изводит жажда!!

Гграждане!! Задушите этих краснорожих молодчиков с цифрой 76!! Мне не нравится запах их штанов! Молю вас – понюхайте! – и вы убедитесь, что это – покушение!

Они хотят испугать меня своими «76», когда меня не страшит даже «24»!!

Где уж им понять, что не я испортил Апакова, а Апаков испортил меня...

В последний раз к вам взываю, граждане! Убедить их в преимуществах обостренно-поверхностных восприятий!!

И мы будем свободны, граждане! И никто не посмеет покушаться на нашу территориальную целостность!!!

Мы вознесемся в высшие сферы и будем извергать кал!!! Хе-хе-хе-хе-хе!!!

19 ноября

«Я не уйду, пока ты мне не объяснишь, для чего ты это сделал! Я не могу понять, как можно оскорбить человека, который желает ему только хорошего! Может, ты хотел соригинальничать... так на этот раз ты просчитался! Мне всю жизнь приходится выслушивать только оскорбления! Ах, как я всех ненавижу! Всех... ненавижу! Я не могу так больше!!

Я только не понимаю, какая цель была у тебя, когда ты это сказал! Интересно, что я тебе сделала плохого, за что это ты на меня взъелся! Тебе-то уж я никогда не хотела плохого!

И я не могу понять, чего хотят от меня все... Чего они ко мне пристали вчера вечером? Какое им дело до моего настроения?! Какого черта они следят за мной... Если я хожу в вашу комнату, то это мое дело, и я не хочу, чтобы это раздували эти дурочки 1-й группы... Как я их всех ненавижу!.. Боже мой, до чего они все глупы! Они даже сами не представляют, до чего они глупы!

И пожалуйста, не остроумничай! Мне это уже давно надоело!! Ты думаешь, на меня тогда подействовало твое оскорбление? Ты думаешь, я на тебя злилась эти два дня? Нисколько. Мне только непонятно было, для чего это нужно было... Потому что меня в жизни первый раз так оскорбили, хоть я никогда и не слышала ни одного хорошего слова...

И вообще я даже почти не помню, как дошла до своей комнаты... И Оля подумала бог знает что, пошла тебя убеждать...

Я бы вообще посоветовала тебе прятать свои чувства в себе, если они только могут быть у тебя... Как бы я ни презирала человека, я бы не стала оскорблять его в лицо, а потом еще в темноте хихикать и издеваться над ним...

А от тебя можно ожидать всего... Теперь ты меня никогда ничем не удивишь... Пожалуйста, теперь тебе предоставлено право: оскорбляй как угодно, ругайся хоть матом... а я буду сидеть и слушать... Ну! Чего ж ты молчишь и пускаешь дым!.. Ругайся, ну! Я готова! На этот раз я уже не выбегу из комнаты...»

Ант. Григ. 11-е, 3 ч. дня

22 ноября

Как явствует из достоверных сообщений Валерия Савельева:

Ерофеев на протяжении всего первого семестра был на редкость примерным мальчиком и, прекрасно сдав зимнюю сессию, отбыл на зимние каникулы.

Не то суровый зимний климат, не то «алкоголизм семейных условий» убили в нем «примерность» и к началу второго семестра выкинули нам его с явными признаками начавшейся дегенерации.

Весь февраль Ерофеев спал и во сне намечал незавидные перспективы своего прогрессирования.

С первых же чисел марта предприимчивому от природы Ерофееву явно наскучило бесплодное «намечание перспектив», – и он предпочел приступить к действию.

В середине марта Ерофеев тихо запил.

В конце марта не менее тихо закурил.

Святой апрель Ерофеев встречал тем же ладаном и той же святой водой, – правда, уже в увеличенных пропорциях.

В апреле же Ерофеев подумал, что неплохо было бы «отдать должное природе». Неуместное «отдание» ввергло его в пучину тоски и увеличило угол наклонной плоскости, по которой ему суждено бесшумно скатываться.

В апреле арестовали брата.

В апреле смертельно заболел отец.

Майская жара несколько разморила Ерофеева, и он подумал, что неплохо было бы найти веревку, способную удержать 60 кг мяса.

Майская же жара окутала его благословенной ленью и отбила всякую охоту к поискам каких бы то ни было веревок, одновременно несколько задержав его на вышеупомянутой плоскости.

В июне Ерофееву показалось слишком постыдным для гения поддаваться действию летней жары, к тому же внешние и внутренние события служили своеобразным вентилятором.

В начале июня брат был осужден на 7 лет.

В середине июня умер отец.

И вероятно, случилось еще что-то в высшей степени неприятное.

С середины июня вплоть до отъезда на летние каникулы Ерофеев катился вниз уже вертикально, выпуская дым, жонглируя четвертинками и проваливая сессию, пока не очутился в июле на освежающем лоне милых его сердцу Хибинских гор.

Июльские и августовские действия Ерофеева протекли на вышеупомянутом лоне вне поля зрения комментатора.

В сентябре Ерофеев вторгся в пределы столицы и, осыпая проклятиями вселенную, лег в постель.

В продолжение сентября Ерофеев лежал в постели почти без движения, обливая грязью членов своей группы и упиваясь глубиной своего падения.

В октябре падение уже не казалось ему таким глубоким, потому что ниже своей постели он физически не смог упасть.

В октябре Ерофеев стал вести себя чрезвычайно подозрительно и с похвальным хладнокровием ожидал отчисления из колыбели своей дегенерации.

К концу октября, похоронив брата, он даже привстал с постели и бешено заходил по улицам, ища ночью под заборами дух вселенной.

Ноябрьский холод несколько охладил его пыл и заставил его вновь растянуться на теплой постели в обнимку с мечтами о сумасшествии.

Весь ход ноябрьских событий показал с наглядной убедительностью, что мечты Ерофеева никогда не бывают бесплодными.

25 ноября

Таарищ Музыкантова!

Я ввас люблю пллотски!

Я ххочу ввас насилловать!!

Хя-хя-хя-хя-хя!!!

И я таки ввас изнасилую!!

Ддайте мне ттолько измазать ккоровьим пометом двери зздания Ссовета Министров!

Ххя-ххя-хя-хя-хя-хя-хя!

Уах-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-а-а-а!

26 ноября

Ах, зачем это... Не нужно... Не нужно... Ведь мне сегодня так хорошо...

Так хорошо...

28 ноября

Почему они дрожали?

Какое право они имели дрожать, если они – часть презирающего?!

29 ноября

Нет, положительно вечер 27-го не дает мне покоя... Ведь они дрожали...

Почти пять минут...

Мелкой, трусливой дрожью...

И на меня опять пахнуло проклятым апрелем...

Значит, я боюсь...

И с тех пор ничто не изменилось...

И все это было напрасным...

Напрасным...

И то, что я писал 12-го, – ложь!..

Нет, я никогда этому не поверю... Не поверю, потому что был сентябрь...
А это – минутное...

1 декабря

Тогда бы я решился...

И никто бы, еби вашу мать, не посмел доказывать мне, что это безнравственно!

2 ч. ночи

2 декабря

И когда стемнело...

...я нехотя поднялся, еще раз проверил, хорошо ли отточен столовый нож, заложил пистолет во внутренний карман, бросил на подушку спящего Муравьева стоимость двух галстуков и, натываясь в темноте на одетые стулья, бесшумно покинул...

...в коридоре маячила одинокая фигурка, – судя по яркости одеяния, принадлежащая к противоположному...

...остатки благоразумия не позволили мне отправиться туда в присутствии...

...и я заходил...

...пока одинокая фигурка не свернула в женский туалет, освободив меня от дальнейшего...

...и я, благословив естественные надобности, не замедлил...

...запах жженого лука заставил вспомнить о былых...

...но я поторопился отогнать от себя неуместные...

...и немедленно приступил...

...муравьевские галстуки обладали поразительной силой сцепления, они, казалось, специально были созданы...

...и газовый кран открутился поразительно...

...оставалось только, проклиная легкомыслие шоферов, с нетерпением ожидать шума...

...тишина была в затылок, а атмосфера щекотала...

...и синяя впадина дразнила формой и раздражала смрадным благоуханием...

...меня уже не пленяло новаторство в области совмещения...

...потому что я не мог уйти, не постигнув благости очередного...

...потому что синева видения убила приближающееся...

...эти две чистейшие ненужности мне все вернули.....и заставили даже дремлющих облагородить движением...

...и предвкушением прикладывания укрыть смертоносное!!

3 декабря

Mesdames и Господа!

Я осмелюсь выступить в роли пьяного адвоката!

Он не виноват!!

Вы не имеете права обвинять его в порче воздуха! Ведь неэстетностью своей струи он подчеркнул упоительное для общественного обоняния благоухание ваших тел!

Mesdames! Господа!

Он забрызгал ваши чистенькие личики своим калом! И забрызгал без реверанса!

Но это ни в коем случае не дает вам повода обвинять его в негодяйничаньи!

Mesdames! Вы лучше меня осознаете, до какой степени брызги неделикатного кала оттенили белизну и атласность ваших физиономий!

Брюнэтки! Не гневите ваши ляжки! Плюньте на чернобровье! Ведь консерватизм неумолимо преследуется нашим веком! Зачем же разжигать обиходность?! Зачем безнравственно истцеанствовать, если это интенсинирование брюнэтизма!

Господа молодые блондины! Кто вам запрещает поэтизировать стулирование атласностей?! Бронзоватых атласностей! Ведь озноенность «bгауп»'ом облегчает насилие!

А скользкость излишеств ослабляет их деградацию вашей ротовой полостью!

Зачем же гневить правосудие и Всевышнего!!

4 декабря

Весь под впечатлением Катихинской аудиенции. Чрезвычайно недоволен собой – не мог убедить его в своей искренности.

И все-таки хорошо понимаю, почему взбесила меня его счастливость.

И мои разглагольствования об отвержении всяких признаний, и мое недовольство, выраженное по поводу его «малодушия», заставили-таки обвинить меня в «показном оригинальничаньи»! Ему совершенно непонятно то, что счастье духовно обедняет человека и делает его в высшей степени несчастным!

Нет, посудите сами, господа! Дамочка, к которой в продолжение пяти месяцев этот субъект питал сногшибательно нежные чувства без малейшей надежды на взаимность, сближается с ним наконец – и второго числа изрыгает признание...

И что же вы думаете? Он послал ее ко всем чертям? Или тем же тоном извергнул сожаление о своем полнейшем равнодушии?

«Зачем»?

То есть как – «зачем»?

Не из оригинальности, конечно, не из чувства мести, а всего-навсего из боязни взаимности...

А этот малодушный субъект, видите ли, излился... и теперь с упоенной стыдливостью кичится своей счастливостью...

А последняя в два дня настолько отупила его, что он не хочет даже признать своей обреченности на духовное обнищание.

Нет, я положительно потерял всякое уважение к этому «искалеченному счастьем», ччччорт возьми!..

6 декабря

Хе-хе, пррогрресс, я бы сказал!

Комплиментальный прогресс!

6 октября:

«С-с-с-сволочь!» – с кошмарным протягиванием первого свистящего, невообразимым подергиванием и с выражением полнейшей запуганности, заметным даже в полной темноте...

9 ноября:

«Мме-рзавец!» – несколько ограничив возможности пантомимики и с трогательной дрожью в голосе...

27 ноября:

«Негоддяй!» – с традиционным переходом в вертикальное положение, испепеляющим взором и направлением к выходу...

6 декабря:

просто и лаконично: «Подлец!» – сузив от гнева глаза и пикантно приземлившись на муравьевскую постель, без всякого намека на испепеление...

7 декабря

А я бы все-таки с удовольствием скончался.

8 декабря

Уа-а! Уаа-а!

Пляшут, совокупаются...

И льют, льют...

И обрамляют неполноценных...

Как будто бы Энгельс запретил им!

А сквозь Абажур просовывается долгожданный, разевает рот и как будто гордится тем, что его язык подменили лысиной Руссо...

Я разъярен... (правда? – как это смешно! – я – разъярен!) Ах нет, право, я совершенно спокоен... ведь волосы тоже спокойны, зачем же волноваться мне...

Правда, Они пляшут...

Но ведь я все равно нанялся, и музыка только импонирует!

Нет, мне бы и в Голову не пришла эта Нелепая Мысль (ну, сами посудите, – нанялся! Тьфу!), но абажурная физиономия пощипывала сомнительность...

И это самое главное: удивительно Правильные черты лица делали его похожим на бульдога и гармонировали: Шедевры И Бешено Вздернув Ноги! Начни! Начни!

Но я и сам не знал, с Чего же все-таки начать... (А сами-то вы! Гы-гы!)

Я бешено цитировал...

Я массажи сбрасывал с себя Маникюрш...

Но ведь я не забывал, что рассудок Почти невредим...

И я решился...

Я привлек, я САГИТИРОВАЛ Ее Пуп!

Он, Он один спас меня...

Это Он кричал утром (ведь вы помните, как он кричал?... Не помните?... Ну, не нужно стесняться... Тю-тю-тю-тю...):

Ррразбуди-ить! Ррра-азбуди-и-ите!

Рррр...

...Уа! у-а! уаа!

9 декабря

О-о-о! Только последнее и нужно было этим пьяным скотам...

Разом заговорили все...

– Э-этика! Одно слово заставляет меня изрыгать тысячи проклятий по адресу... гм... гм... гм...

– О-о-о-о-о!.. поддержите меня... иначе сей же секунд семья горлодеров, осмеливающихся произносить в приличном обществе это мерзкое слово, численно понесет урон!..

– Господа! А я, между прочим, имею совершенно серьезное намерение детально изучить этику, дабы оградить себя впредь от случайных следований ее законам...

– Ах, господа, зачем толковать о таких неаппетитных вещах! Лично меня мучает один чрезвычайно любопытный вопросик... вот уже скоро 50 лет, как умолкли родовые стенания меня породившей!.. Я просуществовал полстолетия! я пережил 11 министров внутренних дел и 27 революций... – а я все еще силюсь разрешить вопрос, который отчеканит назубок заурядный школьник; дело в том, что я не вижу существенной разницы между удовлетворением полового желания – и физиологическим отпращиванием...

– Кошмарная парраллель, я бы сказал...

– Гм, молодой человек, я искренне сожалею, что вам, коллекционеру новейших истин, непонятно то, что выбрасывание половых секретов – не что иное, как заурядное физиологи-

ческое отправление... и в этом свете половая любовь предстает чем-то вроде мучений цивилизованного существа с переполненным мочевым пузырем, попавшего в великолепную и не менее переполненную гостиную, узревшего великолепный унитаз и не имеющего возможности извергнуть в него содержимое своих внутренних!..

– О боже мой! Женщина – чувствительный ватерклозет!..

– Хе-хе-хе! А шестилетняя девочка – комфортабельная плевательница!..

– Лирика – плод томления человека, не знающего, куда высраться!

– Ха-ха-ха-ха!

– Да, да... По крайней мере, в половом влечении я не вижу положительно ничего высокого! Мне лично гораздо более удовольствия доставляет сидение на унитазе после сытного обеда, чем половые наслаждения и ласки самой что ни на есть умопомрачительно любимой, чччерт возьми!.. Ннет, господа, уж лучше срать в унитаз и заниматься онанизмом, чем овладевать предметом бешеной страсти, одновременно испражняясь на пол... Хе-хе...

– О господи! Неужели же нельзя без половых извращений! Меня приводит в бешенство одно слово – «онанизм»!

– А я считаю, что поползновение к онанизму – признак чувственной трусости, да, да, чувственной трусости... В лучшем случае – вторжения интеллекта в неприкосновенную, даже, я бы сказал, святую область эмоций!..

– Ах, какой вы, право, Утонченный Негодяй: я лично, извините за нескромность, чрезвычайно страдаю интеллектуальностью своих эмоций: но, говоря откровенно, статья профессора Рихтера отбила у меня охоту к поискам новейших методов мастурбации...

– Ох уж эта пресса! Мне подобные статейки, наоборот, прививают любовь к извращениям; по крайней мере, шофер, изнасиловавший шестилетнюю девочку, в продолжение почти полчаса был моим кумиром!..

– Между прочим, я не без успеха подражал вашему кумиру... и я могу вас ошарашить истиной, которая осенила меня в процессе «подражания», – «духовно богатый человек склонен к удовольствиям, не приносящим наслаждения оппоненту – источнику удовольствия»...

– Шестилетняя девочка – оппонент!.. Гм...

– Ну и как, истина помогла вам убедиться в богатстве своего духовного мира?

– Перестаньте зубоскалить, молодой человек!.. и не считайте эрудированность показателем духовного богатства... у вас – искусство имитации мрачного скепсиса и мировой скорби – и тем не менее вы совершенно бездушны!!

– Ах, какое, я бы сказал, глубочайшее проникновение в тайны моей психологии!..

– У вас – психология!! Гм...

– Кстати – о психологии! Не встречали ли вы, господа, тип людей, сознательно бегущих счастья и обрекающих себя на страдания, которым мысль о том, что только его сознательные действия превратили его в страдальца и что он был бы счастливым, если бы предусмотрительно не лишил себя счастья, – дает ему почти физическое наслаждение!..

– Это, так сказать, проституция жалости!

– Мастурбация страданий! Ха-ха!

– И, кроме того, не заметили ли вы, господа, что совершенно необязательно быть тонким психологом, чтобы прослыть им... Не нужно только уходить из области больной психологии и касаться психически уравновешенных...

– О-о-о! Психическая неуравновешенность – моя мечта! – и, смею сказать откровенно, в мечтах я уже – сумасшедший! О, вы не знаете, что такое бессонница мечты... и мечты, воспаленные от бессонницы...

– Боже мой! Как это плоско – кичиться своей мечтательностью! Лично я, еще будучи младенцем в стадии утробного развития, искренне ненавидел мечтателей!.. Мечты – презрение к воспоминаниям!..

– Ах! В таком случае вы должны восхищаться мной! Для вас я – Заурядный Болван, а ведь я в некотором роде неповторим... Я, может быть, единственный человек, который живет исключительно воспоминаниями... и, смею вас заверить, я – единственное цивилизованное двуногое, тщетно жаждущее найти среди разноцветной груды своих воспоминаний хоть одно – приятное...

– А меня, господа, всю жизнь томит заурядность... О-о! Сколько раз уже я посылал проклятия по адресу Всевышнего и «Исключений из закона наследственности»!.. Я неустойчиво удовлетворял похоти самок, пользующихся самой что ни на есть двусмысленной славой, – и не заразился триппером! я бешено ударялся головой о Кремлевскую стену – и не мог выбить ни одной капли здравого разума! в продолжение трех суток без перерыва я безжалостно резал свое ухо диссонансами пастернаковских стихов и национального гимна Эфиопии – и, как видите, не сошел с ума!.. Ах, господа, я плакал, как ребенок! Я проклинал чугунность своего хуя, лба и нервов и коварство вселенной...

– Боже мой! Как все это извращенно!

.....

Все мгновенно смолкли.

И мне пришлось почти с благодарностью взглянуть на торжествующего негодяя.

Хотя все произнесенное мне импонировало, унисонило, – как вам угодно.

10 декабря

К дьяволу сентябрь, еби его мать!!! На хуй «острова»!!!

Если они – не «каждый день», то за хуем они!

11 декабря

Началось!

13 декабря

Начинающие хуесосы! Давайте сообща засирать сокровища мировой поэзии!

Ппёрнем! Отравим атмосферу!

Ппёррнем, молодые пиздорванцы!!!

Уэ-э-э-э-э!

За хуем нам «интуиция» и «эмоциональность»!!

Пусть упражняются скоты!

Мы – сухие!

Мы – бездушные, еби нашу мать в задний проход!!

Где уж нам понять утонченность скользкого говна Марины Цветаевой!!

Отдадим Муравьеву безвозмездно!!

Пусть упивается нюансами!!

А нам, откровенно говоря, срать на космические проблемы, которые вас волнуют!

И мировая скорбь нас интересует не больше, чем Скороденковские сопли!!

Мы – не читали Олдингтона!

Мы – кретины!!

Мы безнадежно погрязли...

Ах, излечите нас от мелочности!!

Ведь вы так чисты!

И умеете так нежно любить!!

Уы-ы-ы-ы!

А ваши Любимые не ковыряют грязными пальцами в своих менструальных и сифилисных органах!

Ах, они жаждут мускулистых хуев!!
И серут таким очаровательным кровавым поносом!!

14 декабря

Решено твердо.
Пусть – презрение.
Но – начало карьеры...
Вы еще у меня попляшете, голубчики!
Я заставлю тебя, рыжий хуй, раскрыть флегматическую пасть!
А ты, толстомордая скотина, узнаешь первый, с кем имел дело!!

15 декабря

Хватит с меня сегодня и того, что я Музыкантову послал на хуй!..
Мне просто стыдно за Ворошнину.
Стыдно за то, что у нее в Москве – такой отвратительный двойник.
2 часа ночи

16 декабря

Но не это – главное.
Когда они разомкнули наконец свои скользкие и липкие губы, – отвратительная нить слюны соединила пасти разнополых...
Пусть для них эта мерзкая сопля – символична!
Но мне-то – мне-то противно смотреть на эту соплю, даже если эта сопля – союз разнополых сердец.

17 декабря

А собственно говоря, какого черта позавчера я вспомнил о Ворошনিной?
Неужели мне мало августа?
И я не радовался в октябре ее «аресту за преднамеренное устройство взрыва» на 3-м горном участке?..
И ведь это – ее вторая судимость!..
Собственно говоря, я только на зимних каникулах заинтересовался ее выходками... и если бы не статья в «Кировском рабочем», я, может быть, и вообще бы не вспоминал о ней...
Но ведь, что бы там ни говорили, она – моя одноклассница... и притом – единственная из всех наших выпускников, с которой мне пришлось школьничать с первого по десятый класс включительно...
И даже получением аттестата она в некоторой степени мне обязана...
Нет, нельзя сказать, чтобы я действительно питал к ней нежные чувства... А детское увлечение постепенно улетучилось...
Просто – мы несколько откололись от основной массы школяров и в 10-м классе были водонеразливаемы, совершенно не поддерживая связи с классом...
Откровенно говоря, меня пленяли ее хулиганские выходки на занятиях, тем более что я поражал всех скромностью и прилежанием... А после инцидента с ком. билетом она уже бесповоротно стала кумиром в моих глазах... хотя в школе слыла легкомысленной идиоткой с проституционными наклонностями...
Меня же лично мало интересовали ее наклонности... Я даже не удивлялся ее провалу при поступлении в институт и слишком легкомысленному восприятию этого провала. Меня взбесило только ее исчезновение из Кировска как раз в момент моего триумфального возвращения, – я даже не мог похвастаться перед ней поступлением в Величайший.

С первых же групповых занятий в университете меня несколько заинтересовала Ант. Григ. – «усеченная и сплюснутая Ворошнина» – и я искренне ее возненавидел...

В декабре, признаться, я был несколько ошарашен письменными извещениями Бороиньки о привлечении Ворошнина к суду за недостойность...

Тем более что после «самоповешения» отца она должна была несколько охладить свой пыл...

Прибыв на зимние каникулы, я с удовлетворением воспринял экстренное сообщение Фомочки, весь смысл которого сводился к тому, что он (т. е. Фомочка) – может быть, единственный представитель мужской половины Кировска, не испытывавший удовольствия покоиться на пышных прелестях моего кумира... и сразу же вслед за этим сообщение Бороиньки о том, что соревноваться с Ворошнина в изощренности мата не решается сам Шамовский...

Я без промедления благословил ее выносливость и изобретательность...

...И единственное, чего я опасался теперь, – случайного столкновения с ней...

Последнее, может быть, и не состоялось бы вообще, если бы 1-го февраля Бороиньку, Минечку и Витиньку не пленило звучание одного из шедевров индийского киноискусства.

Сказать откровенно, я слишком туманно воспринимал трели Бейджу Бавры, потому что непрерывная трескотня соседок, циничная поза сидящей справа Ворошнина – и вследствие этого тоска по цивилизации убили во мне способность к восприятию классических творений джавахарлаловых подданных...

Назавтра Витинька, удовлетворенно зубоскала, констатировал: «Ерофеев дико смутился, когда увидел, что Ворошнина покинула веселые передние ряды и в сопровождении трех подзрительных девиц двинулась прямо по направлению к нему, презрительно окидывая взглядом переполненный кинотеатр и неестественно кривляясь...»

Правда, Витинька одновременно выражал сожаление в связи с тем, что они втроем вынуждены были внять вызывающе деликатной просьбе Ворошнина «поменяться местами» – и бросить меня на произвол пьяных девиц...

И я, признаться, тоже сожалел... Во всяком случае, меня не восхищала перспектива в продолжение двух часов вдыхать запах водки и пережженных семечек изо рта Ворошнина, невообразимо краснеть и деликатно приобщаться к ее бесстыдной и стесняющей позе... Впрочем, я покинул кинотеатр чрезвычайно довольный собой – я вежливо отказался навестить ее в общежитии и, кроме того, уже не ощущал на себе кошмарного нажатия ее пышных прелестей...

Последующие 8 дней пребывания в Кировске протекли целиком в пределах четырех стен Юриковой квартиры, – в стороне от трезвости, Ворошнина, снежных буранов и северного сияния...

На первом же занятии по немецкому Антонина Григорьевна Музыкантова попала в поле моего зрения, и мне, без преувеличения, сделалось дурно...

В продолжение всего второго семестра я неутомимо прославлял дегенерацию и стиснув зубы романтизировал...

А лето совершенно уронило взбесившегося кумира в моих глазах...

Правда, и я летом числился уже в сознании кировских граждан не как «единственный медалист» и «единственный лениногорец», а скорее как неутомимый сотрапезник Бридкина...

К началу августа я вынужден был выработать иммунитет на восприятие любопытных взглядов – и, между прочим, не без благотворного влияния Лидии Александровны, представшей передо мной уже на следующий день после моего приезда в героический заполярный город...

Правда, в этот раз я несколько удивил ее утратой скромности и смущаемости и удачным ответом на традиционное приветствие...

Она же, в свою очередь, поразила меня изумительной способностью к бесконечному округлению даже при ежедневном воздействии алкоголя и еженощном испытывании давления со стороны комсомольских тел...

Кроме того, разминая онемевшую конечность, я внутренне пособолезновал всем тем, кому приходится здороваться за руку с этой смеющейся скотиной, а внешне сделал неудачную попытку отказаться от приглашения.

В этот день она была несколько сдержанна и даже извинилась, когда случайно вставила мат в сногшибательную характеристику проходившей мимо рыжей девицы...

Два последующие совместные культпохода в «Большевик» несколько нас сблизили, и потому в начале августа я даже без трепета перешагнул порог ее комнаты.

В продолжение 2 часов я тщетно пытался привыкнуть к одуряющему запаху духов и охотно внимал трескотне своего оппонента...

Сначала я устно выразил восхищение кротостью ее соседки, которую грубое приказание Ворошниной вынудило незамедлительно и безропотно покинуть «постоялый двор кировских Дон Жуанов»...

Потом с напускной неохотой помог ей допить «Столичную» и совершенно искренне восхищался ее изобретательностью в отношениях с посетителями...

Правда, последний ее рассказ настолько меня смутил, что я в продолжение 5 минут безуспешно пытался согнать краску со своего лица и поднять глаза от стакана...

Дело в том, что как-то весной к ней пожаловали три первокурсника МУ, видимо чрезмерно распаленные хвалебными отзывами о ней и подстрекаемые сообщениями о «легкости» ее «уламывания»... И она, радушно встретив пьяных студентиков, не замедлила выкинуть несколько невероятных штук перед их восхищенными взорами... В конце концов она заставила всех трех пасть на колени и лизать свои подошвы... – и, в довершение всего, прогнала распаленных посетителей, предварительно избив одного за «недостойность»...

И все это – с непременным хохотом, умопомрачительным смакованием фактов и периодическим потягиванием из стакана... Положительно в этот вечер она мне безумно нравилась...

Нет, я совершенно искренне восхищался ее умением требовать у кировских самцов рабочего поклонения в отношении к своей особе... Правда, я с трудом верил ее пьяным рассказам... ведь незадолго до этого она даже попросила меня отвернуться, когда подтягивала чулок...

Я решительно не понимал ее... Созерцая эту самодовольную, милую, пьяную физиономию, я никак не мог поставить ее рядом с той чистенькой первоклассницей, которая сидела со мной за одной партой и поминутно меня обижала...

Часов в 9 я покинул общежитие в состоянии романтически пьяной влюбленности... До самой железной дороги идущая рядом Ворошнина непрерывно была встречаема насмешливыми приветствиями, которые вызывали в ней почему-то дикий хохот...

Признаться, я был оскорблен, когда уже на следующий день Рощин через Бориньку выразил сожаление по поводу того, что мне «не повезло с Лидкой», а Тамаре Васильевне порекомендовали «держаться в руках своего медалиста»... Впрочем, я и сам лично убедился 7-го августа в неизлечимой тупости молодого поколения Кировска.

Меня просто взбесило нахальство ГХТ-товцев, которых не отрезвляли даже пощечины Ворошниной. А эта отвратительная сцена у киоска даже ослабила мою охоту иметь дальнейшее общение со своим благодетелем...

И главное, меня раздражало ее легкомысленное отношение к своим собственным действиям и к своей популярности... Нет, я совсем не собирался ее убеждать, потому что единственной реакцией на мои убеждения было бы идиотское ржание... к тому же я слишком боялся ее, чтобы решиться на убеждение...

Единственный раз я почувствовал к ней что-то вроде жалости – в воскресенье 12-го числа на вечере отдыха в Парке... Ее отвратительный вид чуть не вызвал у меня тошноту, – тем более что Бридкин в этот день был навеселе и с полудня неумолимо вливал в меня какую-то бурду, орошая слезами память моего родителя и судьбу единоутробного брата... Веселость моментально покинула меня, когда я узрел в распластавшейся за ларьком девице Лидию Александровну... Ее, вероятно, только что бешено рвало, белая кофточка была вымазана в чем-то отвратительном, мокрое платье слишком неэстетно загнуто... Уговоры Бороиньки заставили меня оторваться от созерцания страдальцы... Но удивительно – я совершенно не чувствовал брезгливости, я только бешено ненавидел этих мерзких типов, которые ее споили и, изнасиловав, оставили в грязи под проливным дождем... Придя домой, я снова перечитал полученное накануне письмо Музыкантовой с жалобой на жизненные страдания – и дико расхохотался...

А во вторник мне пришлось вновь возмущаться веселостью Ворошнина... Она бессовестно восторгалась прошедшим воскресеньем, поминутно извинялась за нецензурность – и я, к ужасу своему, убедился, что она и сегодня пьяна ввиду увольнения с РМЗ.

...Нет, ее совершенно не волновало лишение работы, она воинственно восседала на перилах Горьковской библиотеки, жонглируя моим Ролланом и качая ногами перед самым моим носом, и продолжала невозмутимо язвить по адресу МГУ, любви, человеческих страданий, Надсона, Музыкантовой и – моей детскости...

А 16-го числа, с этого противного вечера одноклассников, началось самое главное... И удивительно то, что я упивался ее действиями, явно рассчитанными на то, чтобы отравить атмосферу школьным питомцам... Она хорошо знала, что пользуется дружным презрением «девушек-одноклассниц» и тем не менее решила явиться на вечер без приглашения, дабы произвести сенсацию сначала своим приходом, а потом своими очаровательными шалостями.

Правда, наш совместный с ней приход на вечер произвел далеко не сенсацию; я вынужден был констатировать всеобщее уныние и одновременно, затаив злобу, отразить несколько мрачных взглядов... Однако я понял с первой же минуты, что «очаровательными шалостями» Ворошнина – если не произведет фурор, то по крайней мере заставит разойтись эти полторы дюжины впавших в уныние одноклассников.

Последние несколько не были удивлены, когда Лидия Ал. церемониально извлекла из внутренних карманов пальто 2 прозрачных бутылки и цинично заявила, что «даже Веничка» считает их содержимое чрезвычайно полезным для желудка... Я, стараясь усилить невыгодное впечатление, произведенное ее словами, поспешил подтвердить гигиеническую верность гениальной фразы моего кумира...

В продолжение получаса Ворошнина торжествовала... И казалось, ее совершенно не смущало то обстоятельство, что только я один осмеливаюсь разговаривать с ней и что мы в некоторой степени обособились.

...Захарова своим неуместным затягиванием «Школьного вальса» развязала наконец ей руки – и с этого момента я с нескрываемым восхищением следил за всеми ее движениями...

Прежде всего, заслыша робкую «пробу» Захаровой, она дико заржала, вызвав недоумение всех собравшихся, затем флегматично сообщила всем о своем презрении к песням вообще – и, в довершение всего, ошарашила милых одноклассников нецензурной приправой к своему лаконичному признанию... Фурор был неотразим... Я, признаюсь, проникся даже пьяной жалостью к этим девицам, которые – вместо того чтобы прогнать возмутителя спокойствия, – уныло справились друг у друга о времени, о погоде и стали медленно одеваться... А Ворошнина продолжала неумоимо хихикать, ерзая по стулу и по моей ноге...

Нет, я несколько не жалел о безжалостном разрушении вечера... Я охотно помогал ей смеяться над письмом Муравьева и допивать водку из горлышка. Я так же охотно согласился бы сидеть до конца летних каникул на этой куче ж/д шпал под морозящим дождем и позво-

лять обращаться с собой как с грудным ребенком... Я преклонялся перед этой очаровательной пьяной скотиной, которая могла делать со мной все, что хотела...

На следующий день я от нее же узнал, что она не могла добрести до своей комнаты – и на лестнице ее мучительно рвало...

Вечер 18-го числа совершенно неожиданно отрезвил меня... Первый же рассказ, которым меня встретила Ворошнина и который больше походил на похабный анекдот, до такой степени озлобил меня, что я утратил всякую боязнь – и осторожно послал ее к черту... В ответ она по традиции глупо заржала и пообещала завтра же всем сообщить, что она послана к черту самим Ерофеевым...

В тот же вечер ее в совершенно пьяном состоянии и отчаянно ругающуюся вывели из танцевального зала 2 рослых милиционера и препроводили в отделение... При этом ей за каким-то дьяволом понадобилось громогласно вопить, что она не виновата и что ее споил Ерофеев...

Наконец ее поведение 21-го числа на «Пламени гнева» вынудило меня даже удалиться из кинотеатра под дружный хохот окружающих ее девиц и всеобщее недовольство зрителей...

С этого вечера я уже совершенно ее не понимал; меня бесило то, что она слишком чутко внимала Рошинской клевете; я не мог себе представить, чтобы Ворошнина мне верила меньше, чем оскорбительным сообщениям заурядного Петеньки; я положительно возненавидел ее...

23-го числа, заметив ее, возвращающуюся из рудника в сопровождении 2 чумазных подростков, я вынужден был предусмотрительно свернуть вправо и профланировал параллельно. Когда же до меня донесся веселый смех этих трех скотов, гонящихся друг за другом и осыпавших матом все и вся, мне стало дурно, у меня помутилось в глазах... Я готов был сию же минуту исплевать Заполярье и благословить Московскую непорочность... Меня тошнило от Кировска и от непрерывного пьянства...

И 24-го я уже действительно плевался, когда, сидя ночью на скамейке, узрел Ворошнину, проплывающую мимо школы. Я до такой степени растерялся, что не успел убраться в темноту – эта скотина уже предстала перед скамейкой и, умопомрачительно изогнувшись, затрясла передо мной всеми своими прелестями... Я поспешил справиться, что должна означать эта многозначительная пантомимика, – она ошарашила меня в ответ довольно остроумным контрвопросом: «Хотите ирисок, Веничка?» – затем, видимо удовлетворенная моим отказом, не меняя дикции, выразила сожаление по поводу того, что более многоградусное осталось дома, флегматично погладила свои бедра и, мазнув меня по лицу всей своей массой, вразвалку направилась к шоссе. А в ответ на свое душевное: «С-с-с-скотина!» – я опять услышал это идиотское ржание – и застучал зубами от холода...

Возвращаясь домой, я почему-то вспомнил, как, будучи семиклассником, мелом разбил стекло и потом робко укорял Ворошнину за то, что она взяла вино на себя... Тогда она смеялась ласково, по-детски...

Вечером 26-го я уже пересекал Полярный круг, совершенно не вспоминая об утраченном кумире...

В конце октября, уже будучи в Москве, я с удовлетворением узнал о ее аресте и с тех пор ее судьбой не интересовался... Да и, собственно, какого дьявола меня должна волновать ее судьба... если она сама за всю жизнь не смогла выдавить из себя ни одной слезы...

...и ее участь никто никогда не оплакивал...

18 декабря

Пи-и-ить!

Пииниить!

Пи-и-ить, ттэк вэшшу ммэть!!!

19 декабря

Ах, стоит ли, право, Валерик, ругать этих молодчиков! Ну, пусть Леонид Михайлов попытается логически обосновать свое право на именование крестинами всех неприобщенных к мировой цивилизации!..

Пусть Владимир Скороденко, скрипя зубами, неуголимо клянет свое азиатское происхождение и доказывает гигиеничность зебровых галстуков!..

Пусть Владимир Муравьев, обратив свой скорбный лик к зданию Совета Министров, многозначительно потрясает жиденьким кулачком и гораздо более внушительной эрудицией, которая, кроме всего прочего, дает ему возможность упиваться очарованием интуиции и еженедельной боли в висках!..

Плюнь на них, Валерик!

Очаруй Вселенную пикантностью своего «Фи!».

Пошли к черту и Пранаса Яцкявичуса – ведь он уже давно кастрировал Космос и теперь безуспешно пытается завербовать его на должность старшего Евнуха в гареме своих незамысловатых Идей!..

Ах, Валерик, не истощайте себя Сомнениями!

Вы просто недооцениваете обаяния Викторов!

Ведь Виктор Дерягин, в противоположность Пранас Яцкявичус, слишком уважает Космос, чтобы подвергать его безнравственному оскотлению!.. К тому же, говоря откровенно, ему не нужен Евнух, ввиду отсутствия Гарема...

А Виктора Сибирякова не пугает даже безнадежная любовь к Справедливости... (увы! Справедливость слишком холодна к Нему – Он даже не осмеливается ревновать ее к Анастасу!) – Но Ему доставляет почти физическое наслаждение упиваться трогательной взаимностью Александра Терентьева и Непорочной Лойяльности!..

Ах, Валерик, Вы так молоды!..

Проникнитесь же плотской любовью к Владимиру Катаеву! Ведь он из уважения к Чувству Человеческого Достоинства отвергает греховные связи с истощенной Дегенерацией и, полемизируя с Гете и Розенбаумом, считает неперемненными спутниками истинного гения флегматический взгляд на кокетство Судьбы и Огненность Волосяных Покровов!..

Да и стоит ли, право, Вам, Валерик, жаловаться на беременность Вечной Идеи! – ведь рядом с Вами, обнажив свои незатейливые Плоть и Сущность, уверенно семенит по жизненной колее Леонид Самосейко – и вам обоим плотоядно улыбаются молоденькие Перспективы!..

Ах, улыбнитесь и Вы, Валерик!

21 декабря

Шесть дней держалось пятнадцатое.

Двадцать первое – вызывающее прощание.

И даже спокойствие.

И даже ночь.

И все равно – страшно...

Страшно...

22 декабря

Нет, вы представляете!

Сентиментальничать две ночи подряд!

Извращенно сентиментальничать!

Две самые темные ночи!

И внимать! Хе-хе-хе!

В-в-внимать!

Уэх-хе-хе-хе-хе!

Нет, вы только представьте себе!
Я ответил: «Гм...»
Всего-навсего: «Гм»!
И потом: «Ах вот как!»
Я не пытался сенсинировать!
Задевать обиженных – не в моем стиле!
И все-таки я отказался брудировать!
Потому что только это мне и нужно было!
А самое отвратительное – когда сбываются мечты!

23 декабря

«...не нужно, Венька... слышишь? Не нужно пить... Я не хочу, чтобы ты пил... Я просто не знаю, что может на тебя подействовать, чтобы ты прекратил это пьянство... Я бы с удовольствием сделала для тебя все, только я не знаю, что делать... Веничка, ну дай мне слово, что ты никогда больше не будешь пить... А?.. Я тебя не отпущу от себя, пока ты не дашь слова... Будешь до утра мерзнуть, слышишь?..»

«...Ой, Венька, ты просто розовый младенец... Я просто ужасно хочу, чтобы ты был моим братом... Ну, чего ты презрительно ухмыляешься... А то, понимаешь, у меня никогда не было младшего брата... Ой, Венька, представляешь: я бы делала с тобой все, что хотела, и ты бы не посмел пикнуть... А то вот ты сейчас сидишь здесь и грубишь... Свободная личность – тоже мне... Вот сейчас возьму и изобью... Что-о-о? Что ты сказал?! Ну вот что мне оттого, что ты говоришь такие гадости...»

24 декабря

С отчисления пошло изумительно!
Самосейко НЕУДивлялся...
Катаев окончательно СЛ. Абел, ИЗВЕРГая комсомольскую верхушку и погружаясь в мИР МАтериализма...
Муравьев изрыГАЛ И НАпивался снова...
Дни розовели проносились...
Всепроникающие Факты продолжали фамильярно похлопывать по бедрам мою Радость...
И напрасно я пытался прикрыть Ее икры капроном нарочитой раздражительности...
В глазах сентябрило...
Мечты прельщали ЖЕСТокой неутомимикой...
Я грубо симпатизировал...
Я был до невероятности наМ.А.Г. ничен...
Я блевал недожеванными кусочками декабря в серенькую урну ноябрьского пессимизма...
Из влагалища моего воображения периодически выползали розовые, кричащие Шедевры...
Неуместная торжествуемость повсюду меня преследовала...
Я с трепетом раздавался...
Я изнемог.

25 декабря

А – ккатись все к ебеней мматери!!!

26 декабря

Ах, прекратите Леонид Самойсенко. Ведь все это – не так! Одним словом – скверная чистота.

С 11-и до 11.30 – коллективно составляли новогоднее послание тетушке у дверей 428-й комнаты.

В 11.30 принялись строить умопомрачительные прожекты на ночь. Я вынужден был отвергнуть ее предложение пойти на улицу – меня не пленяли перспективы многочасового дрожания на скамейке и даже ее обещание закутать меня в свой платок. В свою очередь, ее не прельстило мое предложение пройтись к окну Полидвы и пропеть ей пару похабных серенад.

В 12 часов я попытался отвернуться от назойливого оппонента и вновь углубиться в «разрушение личности».

С 12.00 до 12.15 – Музыкантиха предприняла несколько попыток лишить меня Горького – любовь моя к Горькому победила жажду романтики и ночных прогулок, я мужественно защитил творения своего любимца от наглых притязаний распоясавшейся хулиганки.

С 12.15 до 12.30 устно выражали недовольство по поводу обилия целующихся пар и восторжались трудолюбием Муравьева. В 12.30, с обоюдного согласия, приняли незамысловатое решение пройтись по мосту через Язу и для разнообразия раздеть пару прохожих.

С 12.30 до 1.00 разочаровывались в последнем решении, жаловались на уличный холод, внутренне содрогались при воспоминании о 2 прошедших ночах, неудачно острили по поводу поцелуев и похабщины.

В 1.00 Музыкантиха пресытилась долгим стоянием и ежеминутными выражениями с моей стороны (не без влияния Горького) желаниями быть развращенным похабником.

С 1.00 до 1.15 Музыкантиха яростно намечала перспективы моего дальнейшего существования, а я в высшей степени устно выражал восхищение половой предприимчивостью Альберта Алферова.

В 1.15 устное выражение восторгов заставило пострадать мою шевелюру и одновременно возмутить мое Чувство Человеческого Достоинства.

В 1.20, в отместку за шевелюрные страдания шутливо определил ее «жирной полуношницей» – и затем, внешне погрузившись в пролетарскую философию, упивался трогательной молчаливостью и похвальной терпеливостью оскорбленной.

С 1.30 до 2.00 выражал недовольство ее мрачностью, убийственно заискивал и лицемерил, предпринимал отчаянные попытки рассмешить оскорбленную и к 2 часам с удовлетворением констатировал обоюдное ржание.

В 2.00 – решили занять угловой стол и выкурить Рубцова.

С 2.00 до 2.30 дискутировали насчет Космоса нарочито громкими голосами, одновременно констатируя мысленно раздражительное воздействие дискуссии на Рубцова и на Космос.

В 2.30 – облегченными вздохами и пантомимическим хихиканьем проводили до угла изможденного Рубцова – и решили откровенничать и безобразить.

С 2.30 до 2.45 жгли старые открытки, произносили над огнем заклинания, хихикали и осуждали западные моды.

В 2.45 – Музыкантиха доставила внушительную грудку своих фотокарточек, и под угрозой физического воздействия я вынужден был восхищаться каждой в отдельности.

С 2.45 до 3.30 – созерцали фотографии, безнравственно хихикая, пинаясь под столом ногами и осуждая аморальное поведение коридорной пары.

В 3.30 – умственно плевали на фотографии и решили незамедлительно сжечь негодные.

С 3.30 до 4.00 – жгли, меланхолически любовались пламенем, разменивались комплиментами, курили и предприняли несколько неудачных попыток завязать драку.

В 4.00 я вынужден был храбро встретить прилив материнской ласки со стороны моего оппонента и отверг ее полушутливое предложение кровью подписать совместный клятвенный контракт.

С 4.00 до 4.30 – взвешивали все способы вытягивания друг из друга крови для подписания «контракта», дружно осуждали алкоголизм и восхищались мрачностью фланирующего мимо В. Муравьева.

С 4.30 до 4.45 безуспешно пробовали стричь друг другу ногти и столь же тщетно пытались определить, чьи конечности чище и эстетнее.

В 4.45 я презрительно обнажил всю безыдейность ее предложения выйти подышать свежим воздухом и посидеть в снегу.

С 4.45 до 5.00 – осыпали своим присутствием комнату Никоновой, жаловались на однообразие трофеев. Пили из горлышка лимонад, грызли яблоки, изучали траекторию летящих огрызков; при воспоминании о Мичурине продемонстрировали обоюдный скепсис.

5.00 – совершенно некстати вспомнили 15 декабря, постигли весь ужас имевшего места инцидента, обменялись мрачными взглядами и не менее мрачными идиоматическими выражениями.

В 5.15 с похвальным единодушием изъявили желание заниматься.

С 5.15 до 5.45 нехотя читали, изредка переихихиваясь и надменно следя эволюцию трамвайного парка.

В 5.45 дружно протирали глаза и выражали ужас перед лицом Времени и Бессонницы.

С 5.45 до 6.15 флегматично хлопали глазами, курили, лениво друг друга оскорбляли, внимая треску репродукторов и будильников.

В 6.15 – по-прежнему флегматично сдули пепел со стола, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись.

Только и всего.

И все прежние дни – так.

Так что уж и без похабных намеков, Л. С.!

27 декабря

Пусть Время туго обтягивает свои прелести!

Все равно – не прельстит! –

Последние четыре проползут бесследно! –

И этот отвратительнейший год с грохотом полетит в пизду!!

6.15 ночи.

28 декабря

«...Он! Он объяснился! Я на крыльях влетела в общежитие и весь вечер занималась с упоением...»

(Р. Гуржибекова, «Дневник», стр. 531)

«...И угораздило же меня, братцы, втюриться в эту Р. Гуржибекову... Тут, понимаете ли, Бомарше на носу, Корнель и все такое прочее... Завтра, понимаете ли, нужно на зачет тащиться с утра, и на последнюю ночь я возложил такие надежды...

И вдруг – на тебе!

Сию я это, значит, у окна, рыгаю шницелем и цежу сквозь зубы: „Экгоф в роли Доримона – настоящий Доримон... Tot linguae quot membra viro...“ – вдруг вижу – едакой экстравагантной походкой и со стулом в обнимку приближается ко мне объект моей сессионной страсти... Ну я, понятное дело, без промедления пронзил взглядом ее перси с претензией на осетинскую пышность – и восхищенно процедил: „Этт, в алилуйство мать, а?“ Она, конечно же, спервоначалу побледнела, то бишь похолодела, потом это, значит,

эвакуировала в толщу ланит весь запас своих эритроцитов и грузно опустилась на свою ношу...

Я, как истый сибиряк, незамедлительно смекнул, что даже самая развратная женщина, будь то хоть дьявол или студентка МГЭИ, – не будет румяниться, ежели постигнет благоуханную невинность подобной ситуации – что вот, мол, циничные взгляды подвергают массажу ее прелести и все такое прочее... Я, конечно же, без околичностей допер своим пролетарским умишком, что по нечаянности пронзил взглядом не только перси, но и то, что стыдливо прикрывается оными...

Но ведь вы сами понимаете, что у меня и в мыслях-то моих пролетарских не было охоты так глубоко пронзять... Ну, сами посудите, – начнутся вздохи и шевеления, а у меня Корнель на носу, Расин, Бомарше и все такое прочее... Я, конечное дело, унутренне исплевал высокие чувства и невозмутимо продолжал шамкать „Роксолану“, периодически рыгая шницелем... А сам все смотрю идиотски на ее эти самые-то, хе-хе-хе, и стараюсь сдерживать в себе и отрывки шницеля, и позывы плоти... Но, в конце-то концов, – ведь я мужчина, и неуместное колыхание персей в такой опасной близости, граждане, смутит самого Кекконена... Я, понимаете ли, не мог равнодушно созерцать все эти вещички... Я стиснул зубы и, сдерживая дрожь в голосе, изрек: „Уйдите, милая, и не подымайте во мне“... так и сказал: „не подымайте во мне...“

И вот что, братцы, удивительно – она все поняла и поспешила обвертикалиться; но узрев всю прелесть ее необъятных и тем не менее удаляющихся бедер, – я вспыхнул, я прочувствовал в един секунд всю силу своих животных позывов... и я бы с удовольствием занялся самобичеванием, граждане, но – подумайте сами – завтра зачет, объяснение в деканате, Лесаж, Корнель, Расин, Д’Онэ, Дидро, Вольтер, Бомарше – и все такое прочее...»
(Ю. Романеев. «Избранные сенсации», стр. 27)

«И в 24 года – разрушена первая любовь!
Мгновения счастья утекли безвозвратно!..
Сегодняшний вечер окатил меня ушатом холодной воды.
Она сидела с Романеевым и любезничала.
И оба были красны и довольны.
За такие дела у нас в лагере морды били».

(Н. Рубцов. «А уж я ли, кажется...», стр. 31)

«Милый ты мой, у тебя просто нет чутья. Я лично вполне одобряю романеевские вкусы; посмотри-ка на нее сбоку хорошенько – уэ-э-э-э! – а ежели с тыла – так натурально Елизавета Гассекс, Амалия Вейсе и, если угодно, – госпожа Дорсенвиль! Воплощенная кротость! Хе-хе-хе! Неизменный идеал! Непреходящий кумир! Идеолог телесной шедевральности!.. Трам-пам-пам...

Дика как лань, дитя Кавказа,
Пурум-пум-пум. Пурум-пум-пум...»
(В. Скороденко. «Половая аудиенция»)

«Я встал, застегнул ширинку, в последний раз затянулся горьковатым дымом папиросы и вышел в коридор. Необычная тишина заставила меня вспомнить о дневном шуме, когда этот коридор заполняется до отказа

веселыми девушками и юношами, – они разговаривают об экзаменах, о любви. Но теперь все было тихо, и только слышны были на лестнице звуки ночных поцелуев. Эти звуки обострили мое одиночество и заставили вспомнить о догорающей любви... Да! Пепел, пепел – вот все, что осталось от ноябрьского увлечения... Погруженный в такие раздумья, я еще раз проверил, надежно ли застегнута ширинка, завернул за угол и вдруг увидел ее...

Она, сука, сидела с Романеевым и о чем-то беседовала... Я хотел было свернуть вправо, но вдруг увидел, как она неожиданно встала и направилась ко мне. Радости моей не было границ, я моментально вспомнил о прошлых ссорах с ней и сразу же простил ей все...

Она тихо сказала „Здравствуй“, – и тут я как будто впервые заметил, как она прекрасна. „Какие у нее полные и вместе с тем влекущие, как призывы КПСС, округлости“, – сказал я сам себе и затем предложил ей пойти распить со мной бутылку хорошего вина. Она не отказалась и пригласила меня в свою комнату.

Но откуда мне было взять бутылку хорошего вина, если у меня всего-навсего маленькая московской? Я быстро сообразил, в чем дело, влил в старую винную бутылку всю водку, долил красной тушью и катаевским одеколоном, затем стащил у Спиро сахар и побросал кусочками. Получилось настоящее вино.

Через десять минут она уже открывала мне дверь и с радостью сообщала, что все девочки ушли на 10.45 в кино и что нам никто не будет мешать. Войдя в комнату, я осторожно закинул за петли все три крючка и закрыл дверь на ключ. Она ничего не заметила или, вернее, сделала вид, что не заметила, и это еще больше влило в меня уверенности, что она все-таки еще любит меня.

Я сел рядом с ней и через две секунды уже был опьянен ее близостью. Мы молча сидели, смотрели друг другу в глаза и упивались взаимной любовью. Мы совсем забыли про вино, к моему счастью.

Вдруг она очнулась от блаженного забытья и шепотом произнесла: „Через полчаса придут девочки из кино“, – и этими словами как будто говорила: „Чего же ты сидишь? Неужели ты меня больше не любишь?“... И как только я это услышал, я ласково обвил рукой ее прелестную талию. Она ничего не заметила или, вернее, сделала вид, что ничего не заметила, и это еще больше меня возбудило. Я схватил ее в охапку и прижал к своей груди. По небу плыли разорванные облака и ярко светил месяц.

Она всем своим нежным девичьим телом прижималась ко мне, – я ощущал усиленное биение ее сердца и расстегивал ширинку.

Вдруг она сама потянулась к кровати, вытянув свою прекрасную шейку и потянув меня за собой – и я упал на ее стройное девическое тело.

Через две секунды ее туфли и чулки уже валялись где-то в углу, а платье и рубашка где-то в другом углу. Я встал за шкаф и обезопасил свой орган резинкой, а она стояла в трусах посреди комнаты и, опустив руки, смотрела на луну... Вдруг я вспомнил, что она еще в трусах.

На небе ярко светил месяц и плыли разорванные облака. Я встал на колени и сдернул с нее трусы. Через секунду они валялись где-то в углу, а я схватил ее в охапку и потащил к постели. Я ощутил под своей грудью ее упругие девичьи груди, я впился губами в ее нежные губки и (.....) ляжек. Она лежала молча, закрыв глаза, и только иногда шептала: „Милый! Кгм! Какой вы бык! Кгм!..“ Через десять минут мы уже выходили из комнаты... На

душе было очень скверно, нам обоим было просто стыдно взглянуть в глаза встретившемуся Муравьеву...

Через 2 секунды я уже заходил в свою комнату, предварительно проверив, хорошо ли застегнута ширинка.

Еще через 2 секунды я уже сидел на своей кровати и затягивался горьковатым дымом папиросы».

(Л. Самосейко, «Далекие и близкие», стр. 436–444)

«За весь вечер один, только один взгляд!
И снова – неудовлетворенность!
И опять эта интуитивная боязнь за благополучие исхода!
Опять эта режущая боль в висках!
Цепь ассоциаций... цепь ассоциаций...
К черту! К черту! К черту!»

(В. Муравьев, «Глубокомыслие»)

29 декабря

О, я хорошо понимал его! Он считал ниже своего достоинства падать на глазах у толпы. Он мог бы присесть, опуститься к подножию, но мороз совершенно его заковал. У него не сгибались конечности.

Нет, совершенно серьезно, – у него были красные руки, и он плакал... Я готов спорить на что угодно, что он действительно плакал.

И потом, – я же слышал, слышал эти истерические всхлипывания. Не мороз же выдавливал их из него! И не извержение рвоты, в конце концов, сотрясало ему плечи!.. Неужели же блевота может так бешено содрогать?!

Бросьте вы это! Он не чета вам! Он действительно орошал слезами фонарный столб и тербил его красными руками...

И вы думаете, меня смутили его всхлипывания, – и я дал ему огня?

Хе-хе-хе-хе, я слишком им восхищался, чтобы отравлять его. Я просто плюнул на соседний столб, – идиотски хихикая, потряс четвертинкой и через полминуты уже погружался в Яузский туман...

30 декабря

Да, да! Войдите! Тьфу, черт, какая идиотская скромность...

Ну, так как же, Вл. Бр.? Вы отказываетесь? А у вас это, между прочим, так неподражаемо: «...На-а-а зем-ле-е-э-э ве-эсь род...»

А мнения все-таки бросьте, пожалуйста... И «женскую душу», и «женскую натуру» – тоже бросьте... Да и возлагать на меня не стоит...

Другое дело – он!.. Он – исключительность, квинтэссенция благородства... Кстати – «lupus in...» и в зеленых пятнах! Ах, милый раран!

О! На вас жилет... и вы благоухаете! Фу, как противно же от вас пахнет... Да уйдите же! Уйдите! Слышите? Я не хочу вас! Не хочу!.. Мне противно на вас смотреть, раран!..

О боже мой! Сколько же можно блевать! И это – после двух крохотных винегретов! Что? Трех?.. Да бросьте вы, не морочьте мне голову... Как сейчас помню, вы проглотили два винегрета – и угрожали ножом взвизгивающей маман... Хе-хе-хе...

А я-таки был зачарован вашей позой... вы так удачно отеллировали, раран, и так прохладно матерились... А Юркино зловещее «Так ее!» разливало едакий благоуханный трепет по моим нервам... Слышите ли?! – нервам!! Хе-хе...

А ведь у меня были крепкие нервы... Я еще не пытался романтизировать... Я был холоден, как... гм... как трупик ощипанного котенка...

Да, кстати, какого хуя я вам толкую о романтизме... Вы мне противны, катитесь к черту! Ах нет, извиняюсь, рарап, спите с богом... Хи-хи-хи... Что-о?

Что вы сказали, Т. В.? Я?! Но, собственно говоря, их у меня никогда не было и мне попросту нечего растаптывать... Почему же странно? Ведь вы же сами в некоторой мере виноваты... Да! Да! Войдите!..

Заметьте, я говорю – «в некоторой мере» и никого не виню... Ведь даже Вл. Бридкин говорил, что мне приходится тяготиться своей нежностью...

Да входите же, еби вашу мать! А! Это вы! Стоило так долго стучаться! Хе-хе-хе, ну как, что новенького? Что?! Даже откровенничать! Ха-ха! Откровенничать! Обнажаться, значит... Ну, что ж – преподнесем, преподнесем!

Совершенно одна! Хи-хи-хи-хи!.. Да, да, конечно, это до чрезвычайности трагедийно... Единственное – старушка-мать... И не издохла?.. Да нет же, я хотел спросить: «И вы очень ее любите?»... Да неужели?! И вы – не спились, не взрезали перси?.. Ну да, конечно, конечно, «единственное – старушка-мать» и больше никого, совершенно никого... И тем не менее – уйдите!..

Да нет же! Не на хуй!.. Просто – уйдите...

Да не глядите же на меня так! Чем я, собственно, провинился?.. Бросьте это, А. Г., серьезно вам советую – бросьте!.. Ведь мы же, в конце концов, вчера снова обменялись взаимными плевками и теперь, по меньшей мере на неделю, зарядились злобой... И у меня сегодня просто нет настроения торговать звериными инстинктами... Угу! Всего!

Да, да! А. Г., вас давно сняли с веревки?

...Как! Вас и не поднимали?! Ха-ха-ха! Вы только послушайте, – как она мило острит!.. Значит, вас серьезно не снимали?.. Ах да! Как я мог снова перепутать? Эй!..

Да нет, это я не вам... угу, до свиданья...

Эй! Лидия Александровна!.. Ну, как вы там? А? Хе-хе-ххе-хе-хе! Ах, ну дайте же, я паду ниц! Что? Как это так! – не стоит! Как будто бы я не падал шестнадцатого!..

Фу! Какие у вас ледяные ноги!.. И этот ебанный буран еще раскачивает их! Чччоррт побери, ведь ровно год назад и в такой же буран ОН здесь качался!.. И ваш покойный родитель тоже... ха-ха-ха... тоже! Ах, как вы плакали тогда, Лидия Александровна, как мило вы осыпали матом вселенную и неудачно имитировали сумасшедший бред... Хи-хи... Нет, не врите... Вы не были потрясены! Вы издевались, чччерт, вы хихикали!..

Да прекратите же, в конце концов, раскачиваться... Хотя после смерти-то ведите себя прилично и не шуршите передо мной ледяными прелестями... Я не горбун Землянкин! Хе-хе!.. Вот видите – вы даже можете хорошо меня понимать!.. Когда речь заходит об августовских испражнениях, вы непременно все понимаете...

Ах! Вы уже не сможете теперь испражняться так комфортабельно и так... непосредственно... А ведь он, смею вас заверить, трепетал от умиления... И я почти завидовал ему! Слышите ли? – завидовал!! Еще месяц – и я раболепствовал бы в высшей степени... Как вы были очаровательны тогда, тьфу!..

Вы мне позвольте, конечно, еще раз прикоснуться губами... Да нет же! Что еще за буран! Вы – каменная глыба! Вы – лед! И тем не менее вы продолжаете гнутья! Какой же еще, к дьяволу, буран!

Ха-ха-ха, вы притворяетесь, что не слышите меня! Вы нагло шуритесь! Вы – прельщаете!.. Хе-хе... Прельщаете!

А водка-то льется, Лидия Александровна! Льется...еби ее мать!.. щекочет трахею... сорок пять градусов! Хи-хи-хи-хи, сорок пять градусов!.. Шатены... хи-хи-хи... брюнэты... блондины... Триппер... гонор-рея... шанкр... сифилис... капруан... фильдекос... креп-жор-

жет... Их-хи-хи-хи-хи!.. А Юрик-то... помните... кххх – и все!.. Кххх! – И все!!! И северное сия-яние! Северное сия-а-ание!..

31 декабря

Все грустите!.. А ведь через шестьдесят – весна... Влажность, температура, настроение – все поползет выше... Расширятся семенники... Защекочет во влагищах... Полюбите...

Не нужно отчаиваться...

11.30 вечера.

1 января

Совершенно ни одной?

И это – «Гастр.»!

Тьфу!

Опять – получасовое хождение и проникновение за стекла.

...Насилие трупов.

...Насилие новорожденных.

...Насилие статуй.

...Половое влечение к женским теням. Испражнениям. Блевоте.

...Извержение половых секретов в зияющие раны любимого тела.

...Просто насилие.

Стоп! – Справа еще один! Витрина не блещет. Но вторгнуться необходимо. Опять ни одной. Что, не было с утра? – Хх...

И на ответ плюну. Пойду.

...Три тысячи слов с Муз.

...Тысяча – с Мур.

...Пятьсот – с Мих. и членами комнаты.

...Двести – с остальным населением земного шара.

...Ежедневная средняя.

Но, в конце-то концов, вам их раньше привозили? Или виноват склад?

Даже никто не виноват!

Значит – я!

...Испускание слез и мочи.

...Первое символизирует эмоции.

...Второе – интеллект.

...Разница – в процентном содержании циановой кислоты.

...Голова и конечности. Юрий Новиков отдает предпочтение конечностям. Последние обеспечивают большую вероятность попадания в баскетбольную корзину.

...Жидкий стул. Понос. Запор. Юрий Романев стыдится своей гениальности.

Не может быть!

Есть?!

– Без посуды?

– Без посуды.

– Двенадцать шестьдесят.

2 января

Фи, как все это опереточно!

«Венька, ну вот признайся, что ты все-таки меня любишь».

«Ну еще бы... Сидит этакая двадцатилетняя женщина, обтянула себя нижней рубашкой и домой не отпускает... Так конечно...»

«Дурак».

«...Так поневоле влюбишься... Ты бы еще вообще разделась и держала бы при себе еще 2 часа, так я бы и без напоминаний объяснился».

«Дурак».

«Бочка».

Все равно же – неделя разрушена.

И серым Ф. больше не представится возможности обвинить меня в sex арреа-ль-ности.

После второй половины марта.

1–3 января своеобразный финал.

Без ожидания следующей «второй половины».

И без оплакивания финала.

3 января

Вот видите – вам опять смешно.

Вы не верите, что можно вскармливать нарывом. А если бы вы имели счастье наблюдать, то убедились бы, что ЭТО даже достойно поощрения.

И сейчас я имею полное право смеяться над вами. Вы не видите, вы не внемлете моим гениальным догадкам – и не собираетесь раскаиваться.

А я созерцаю и раздраженно смиряюсь.

«Значит, так надо».

«Мало того – может быть, только потому-то грудь матери окружена ореолом святости и таинственности».

Ну, посудите сами, как это нелепо!

Я пытаюсь даже рассмеяться... И не могу. Меня непреодолимо тянет к ржанию – а я не УМЕЮ придать смеющегося вида своей физиономии...

Я сразу догадываюсь – мороз, бездарный мороз. Мороз сковывает мне лицо и превращает улыбку в идиотское искривление губ.

Я воспроизвожу мысленно фотографию последнего номера «Московской правды»... обмороженные и тем не менее улыбающиеся физиономии... Проклинаю мороз и разубеверяюсь в правдивости социалистической прессы.

Дальнейшее необъяснимо.

Ребенок обнажает зубы, всего-навсего – крохотные желтые зубы... Обнажение ли, крохотность или желтизна – но меня раздражает... Я моментально делаю вывод: «Этому тельцу нужна вилка. И не просто вилка, а вилка, исторгнутая из баклажанной икры».

Ребенок мотает головой. Он не согласен. Он кичится своей разочарованностью и игнорирует мою гениальность. И эта гнойная...эта гнойная – торжествует!

Я вынужден вспылить!

Как она смеет... эта опьяненная сперматозоидами и извергнувшая из своего влагиалища кричащий сгусток кровавой блевоты...

Как она смеет не удивляться способности этого сгустка к наглому отрицанию!..

Но рука не подымается. Мне слишком холодно, и я парализован. Я сомневаюсь – достанет ли сил протереть глаза...

Можно и не сомневаться.

Я лежу и выпускаю дым. В атмосфере – запах баклажана. А в пасти хрипящего младенца все тот же сосок, увенчанный зеленым нарывом...

Сам! Сам встану!

Дневник

4 января – 27 января 1957 г.

II

Продолжение записок психопата

4 января

Встретив лицом к лицу, робко опустить голову и пройти мимо в трепетном восторге и смущении...

...проводить взглядом удаляющуюся фигуру – и, хихикнув, двинуться вослед...

...осторожно ступая, подкрасться – и нанести искросыпительный удар по невидимой сзади физиономии...

...не предпринимая никаких попыток к бегству, по-прежнему робко опустить голову и безропотно упиваться музыкой устного гнева...

...неутомимо льстить, лицемерить, петь славословия, свирепо раскаиваться, яростно извиняться, – пасть на колени и лобызать все что угодно...

...рабским взглядом поблагодарить за ниспосланное прощение и убедить в неповторимости происшедшего...

...на прощание – ласково солидаризироваться в вопросе о нерентабельности поэтической мысли...

...при возобновлении удаления – издалеку нанести удар чем-нибудь тяжелым – и тем самым обнажить отсутствие совести и способность на самые непредвиденные метаморфозы...

...и, продолжая свой путь, заглушать тыловые всхлипывания и мстительные угрозы напевами из Грига.

5 января

Утром – окончательное возвращение к прошлому январю.

Тоска по 21-му уже не реабилитируется. Нелабильный исход – не разочаровывает.

Даже по-муравьевски тщательное высушивание эмоций и нанизывание на страницы зеленых блокнотов – невозможно.

Вышивать нечего.

Впервые после 19-го марта – нечего.

Пусто.

7 января

Помните, Вл. Бр.? – Вы говорили:

«Ерофеевы – тля, разложение, цвет, гордость. О Гуциных не говорю... Мамаша эта твоя, Борис и сестры – просто видимость, Гуцины, мамашин род... Эти – просуществуют... А Ерофеевыми горжусь... Папаша в последние минуты всех посылал к ебеней матери... а тебя не упоминал вообще... Мать, наверное, говорила тебе?..

Загнулся человек... и мать не успел выжить... А надо бы, надо бы... правильно я говорю?

Ннадо... Еще налить?

Двадцать лет в лагере – это внушительно... И Юрик прямо по его стопам... Водка и лагерь – ничего нового... Совершенно ничего нового... А это – плохо... Скверно... Спроси у любого кировчанина – каждый тебе ответит: Юрий – рядовой хулиган, пьяный бык, Бридкина наместник – и больше ничего... На тебя все возлагают надежды... Ты умнее их всех, из тебя выйдет многое... Я уверен, я еще не совсем тебя понимаю, но уверен...

А за университет не цепляйся... И не бойся, что в Кировске взбудоражатся, если что-нибудь о тебе услышат... Все равно – ты уже наделал шума с этими своими тасканиями, Тамара уже смирилась, и мать – тоже...

И не бойся тюрьмы... Главное – не бойся тюрьмы... Тюрьма озверивает... А это – хорошо. Бандиты эти грубые, бесчувственные – но не скрывают этого... Искренние... А ваши эти университетские – то же самое, а пытаются сентиментальничать... Умных мало – а все умничают... Чувствовать умно надо, чувствовать не головой, но умно... А ваши эти все – холодные умники...

Тебе с ними не по пути... Они просуществуют, как твои Гущины...

Они не хотят существовать просто так... Они в мечтах – мировые гении... И, мечтая, существуют... Я знаю этих типов, я сам учился в университете...

и – знаю... Они чувствуют, – когда есть свободное время... И даже сладострастничают – только внешне... Я – знаю...

Они могут доказать ненужность того, чего у них нет... и для них это – признак ума... Главное для них – чистота... чистота своих чувствий... А их, этих чувствий, у большинства, почти у всех – немного – и содержать их в чистоте – нетрудно... Они, эти цивилизованные, будут ненавидеть тебя – говорю совершенно серьезно – ненавидеть! Все запоминай... и всем – мсти... Извини, что я, пьяный, учу тебя – вместо родителя... Ты – особенный, только на тебя и можно возлагать надежды... Главное – избегай всегда искренности с ними, – немного искренности – и ты прослывешь бездушным, грязным, сумасшедшим...

Ты! – бездушный и грязный! Хе-хе-хе-хе...

Налить еще, что ли?»

8 января

О! Слово найдено – рудимент! Рудимент!

9 января

Даже для самого себя – неожиданно:

Оскорбленный человек первый идет на примирение,

а я не устаиваю взглядом, спокойно перелистываю очередную страницу «Карамазовых» и – не подымая головы – лениво:

Катись к черту.

И ничуть не смущает ответное скрежетание:

Ид-диот.

Все – спокойно, умеренно злобно, внешне – почти устало... без излишней мимики, а тем более – дрожи...

Удивительно, что спокойствие – не только внешнее... По-прежнему шуршат «Карамазовы» – и никакого волнения.

10 января

Через двести тридцать восемь

припп

ппом

мню

и совершенно непопулярно. Цифры и буквы останутся я вникаю и – Хорошо. Первый совершенно пятьдесят шесть. Ожидаю – (благо докани!) – и ласково бкт. Еще не БКТ просто спокойно и боковой стол у лестницы ПОМНЮ! ПОМНЮ! – нужно. Кстати, четвертое лежание и потом – морщины – это тоже хорошо, большая помощь и помнишь на кровати с опять дым, на неделю – (да меньше!) – на пол помогает – и чуть не слезы. Это – так, реверанс...

С первого не нужен верх, это потом, а в начале, в самом начале – ОТТ ФЕ – и уых! – уых! – уых! в центр, не сразу, не сразу... Я даже не шевелюсь и смотрю выделяю (да нет же! – стараюсь – а ты! – выделяю – выделяю! А если бы во втором – не надо девятнадцатой краски):

«С то-ой па-ары кык мы уви-и...»

дились с тобой в сердце радость и парам-пампам – ношу и так далее. И я просто слышу и просто запомнилось, светил нет. А был буфет и еще чего-нибудь не ждал (даже и не буфет, а немного скромничаю и в девятнадцать краснота) и не просто так, а СИДЕНИЕ В ГЛАЗАХ и произношение. Гляжу в обруазерll и ЛЕ начинает, – кончил потом с жарой и плохо (кончил, в смысле) даже ме... в смысле, даже ме... в смысле, даже ме... в см (А! ддьявол! – это всегда так, когда старая пластинка! Да подтолкни ты, ччерт!)...нил и все равно до ТЕМПЕРАТУРЫ УВАЖЕНИЕ потом, когда уже уголок – так и с КРИ (лучше буду – кри) пришел... кри мешает и заставляється... И неважно, двадцать четвертого заглядываю и с дрожью «мол, возьмите» – и можно не впускать, раз уж так раздето (уввв!) до кри еще, а больше в мартиззз – ничего.

Последнее в д-м кроме конца – одним словом! Почти до скончания –

Все! Все! И водка! И дым! И все! Домай!

Понятно – я идиот... («жет» – а прошло! – это я так – потому что нечего inform, а так...). И все стремительно до дюж-апр, ВДРУГ дрожь и – в руа-муан... И до demonstr! До demonstr! И не ЛЕ – Я! Я сам! И выход – и вниз к стулу – теплота – и хорошо – выход – ХОРОШО – потом, правда, но теперь – лик! ОВАН!

Теперьпопор.

Один плюс четыре. Я сам не знаю но видел! Видел! (Как это называется? – бардуав). Да, да! Вспомнил! Бардуав! (Это ведь я сам изменил, чтобы «уав» было, а на самом-то деле и не «уав»). Взгляды не пугают, а раздраженного в трепет только –

Три плюс два. Теперь уже в дыму, и уголок со стулом – тоже схватило нечаянно и у витрины подымал руку. Чтобы легче. И в постельку! В постельку!! Семь минус два, говорю «почему» и знаю... А «barduaw» – совсем нечаянно, от кружения и. (Видите! – поставил точку после «и» – и еще раз поставлю! назло! – и вот кто мне запретит? Ну вот кто!.. Ну вот кто?) И очень очень слабо, а при ударе даже неловко. А они есть – и внутри «партийно» – это я так, не обращайтесь внимания, – а черная лестница!

А черная (в смысле – задняя) лестница! Восемь минус три, опять горизонт и ТИХО смиряешься... Девять минус четыре, десять минус пять... И – вот! вот! вот! (да поставь в куб и сядь – а то – вот! вот! вот! Еще раз скажи! Кому это нужно твое – вот! вот! вот!) И – вот: одинн (а-а-а, ччерт, опять с «вотами», кретин) одиннадцать минус шесть – (ух) а потом небесно – все ЛЕ и по совету. Так и есть. Взыгралось через несколько, а здесь – воплощенная кротость и едакая (фи-фи-фи) кротость. И потом – laska и едакая (фи-фи-фи-фи) ну пусть опять: кротость. Засыпание безмятежно и в уши: три, два, и один, даже тридцать, эта скверна.

Как у нас в садочке!

Как у нас в садочке!

Ро-озы ра-а-асцве-эли-и!

И поневоле вздергивать и замедление с wertik-ом и тщательно замрешь и на пуховике и под чернотой (слышите – сколько «и» – это ведь я, один все это написал, столько «и»). И знаю, что гордиться можно, потому что приношение не забыл, не знаю точно, но крыша –

это исключительно, вернее – сопровождение немного разуверяет, но ведь целомудренность, и поэтому обязательно – нужно, тем более – вверх. И этот – незабываемый! (да ну тебя).

То же самое – и валеты поднимаются пар слева; а духота духота. В начале шесть. Все угарно – и далекий друг и трубы – все угарно (извиняюсь, конечно, ну да уж все – романтики). Святая цифра ничего совершенно. И отплытие скомкало, – правда, три убралось, но уж слишком неправдоподобно (а я ведь и не хотел писать – «неправдоподобно», нужно – «неловко» было написать-то в конце, а я – «неправдоподобно», это я нарочно себя раздражаю, я нервный).

11 января

Каюсь публично! – Пятого числа бессовестно лгал!

И эти мои словечки – все ложь!!

И – никакой «пустоты»! Очередное кривляние – только и всего! И я вам докажу, что нет никакой «пустоты»! Докажу!! Сегодня же! Вечером!! Прощайте!

12 января

Темно. Холодно. И завывает сирена.

Отец. Медленно поднимает седую голову из тарелки; физиономия – сморщенная, в усах – лапша, под столом – лужа блевоты. «Сыннок... Изви-ни меня... я так... Мать! А, мать! Куда спрятала пол-литра?...А? Кккаво спрашиваю, сстарая сука!! Где... пол-литра? Венке стакан... а мне... не могу... Ттты! Ммать! Куда...»

Шамовский. Отодвигая стул. «Бросьте, Юрий Васильевич, это вам не идет!.. Хотя жены-то постесняйтесь... ведите себя прилично...» Встает, длинный, изломанный, с черной шевелюрой... делает два шага – и падает на помойное ведро...

Харченко. Нина. Лежит в красном снегу, судорожно извивается. «И-ирроды! За что!.. В старуху... Тюррре-э-эмни-ки-и!.. Тюре-е...» Юрий. Невозмутимо. «Пап, заткни ей глотку».

Ворошнин. Вскакивая. «Не позволю! Не позволю! Без меня никто работать не будет! Директора убью! Сам повешусь!! А не позволю!.. Боже мой... Сил моих нет!.. Все, все – к ебеней матери!»

Викторов. Совершенно пьяный. Кончает исповедываться, хватая вилку и, упав на стол, протыкает себе глаз.

Бридкин. Недовольно поворачивая оплывшую физиономию. «А-а-а... опять... москвич... Ну-ну... Ты слышал про Шамовского? Нет?.. Вчера ночью... застрелился... И мне за него стыдно, не знаю – почему, а стыдно... Садись, я заплачу... Эй! Ты! Толстожопая! Еще триста грамм... Застре-лил-ся... Никого не предупреждал, кроме сына... Это – хорошо...»

Юрий. Прохаживается взад и вперед. Пинает все, что попадает под ногу. Взгляд тупой. «Тюрьма все-таки лучше армии. Народ веселый... Вчера в дробильном цехе работали, двоим начисто головы срезало под бункером, все смеялись... и я тоже. Бригадир споил, ни хуя не понимали, я даже ничего не помню... Я вообще пьяный ничего не помню... и не соображаю... делаю, что в голову придет... забываю вот только вешаться... пришла бы в голову мысль – обязательно бы повесился. Это, говорят, интересно, – вешаться в пьяном виде, один у нас хуй вешался, рассказывал – как интересный сон, говорит...»

Андрей Левшунов. Вдруг поднимает голову и, схватившись за грудь, начинает яростно изрыгать в стакан. В бессилии откидывается на спинку стула; затем неожиданно хватается стакан, выпивает до дна – и снова наполняет. И так – бесконечно, и под хохот одобрения.

Мать. Приподымается с постели, роняя очки. «Му-учи-и-ители! Вон! Вон отсюда!! Фаина! Уходи сейчас же! Я смотреть на тебя, суку, не хочу! Юрка – убирайся!! И ты тоже – вон!!» (Мимика Юрия вызывает смех. Я, поворачиваясь нагло: «Это почему же меня – вон?») Мать падает на подушки, взвизгивает, рыдает. «О-о-о... о-о-о... о-ддин и... издох, дру... дру-гой папаша явился!! Я тебя выброшу вон отсюда, сволочь! В Москве подышать будешь – ни

копейки не вышло... Ни копе-ейки-и, сволочь ты такая! И счастья тебе никогда не видывать... Слышишь?! Это тебе мать говорит! Мать!!!» (Я, Юрий, Фаина – с хохотом захлопываем дверь.)

Ворошнина. Лежит под одеялом. Потягивается. «Ба-а-а... Веничка!.. проходи, проходи, садись сюда... (Валинька! Вышвырнись-ка, милая, на полчаса... угу...)... да ближе, вот сюда, на постель, какого черта еще стесняешься... Ну, тепло?.. хи-хи-хи-хи... скромность-то где... и по-матерински согреть нельзя... ребенок – и все... может, тебе еще свою титку дать... вот уж интересно, как бы ты стал сосать... хи-хи... а мне целовать нельзя, – хуй знает – может, я вся – заразная, венерическая... Ну, чего ты пугаешься? Уй какой ребенок... Ну-ка, Веньк, наклонись, от меня пахнет? Нет? Ну – ты, наверно, сам наглотался и не чувствуешь... Хи-хи-хи...»

Бридкин. Оживляясь. «Хе-хе-хе-хе... Вчера ваш этот, Сашка, был у меня... Слышал? Баба-то недосмотрела... В собственной блевоте задохнулся. Насмерть. Лежал вверх лицом и задохнулся... Все перепились, гады, и не обратили внимания... Жаль, ты вот не пришел... Тебя ждали... А этот теперь уже в больнице. На «скорой помощи» ночью увезли... Все равно уже... Говорят, из легких капустные листья вынимали... Врут, наверное...»

Фаина. Закрыв лицо. «А ты думаешь – я не плачу, я больше ее плачу, если хотите знать, больше всех... Ей „душно“! А мне – нет, что ли? Душно ей!.. Ха-ха-ха! Ведь выдумает тоже – душно!...»

13 января

Сначала – странное помутнение перед глазами. Помутнение, которое бывает у людей болезненных от резкого перехода в вертикальное состояние... Потом и все существо заволакивается той же мути... И я засыпаю... Я не просто засыпаю. А засыпаю с таким ощущением, будто усыпление идет откуда-то со стороны: меня «засыпают», а я осторожно и безропотно, дабы не огорчить ИХ, поддаюсь усыплению... Постель, оставаясь верной традиции, опускается куда-то вниз (в Неизвестность или куда-нибудь еще... – безразлично), – а я словно отделяюсь от нее и на ходу моментально соображаю, что мое «отделение» – совсем даже и не вознесение в бесконечность, а самая что ни на есть заурядная потеря ощущений...

Каждый день я засыпаю именно так – и нисколько не жалею, что широчайший диапазон всех прочих методов засыпания мне недоступен...

А сегодня со мной творится нечто странное. Даже не со мной, а с постелью, которая в категорической форме изъявляет свое нежелание опускаться в отведенную ей Неизвестность... И не только отказывается; а словно издевается над тем, что я не могу, в силу ее статического состояния, теряя одно за другим свои наглые ощущения и потихоньку улетучиваться в Бесконечность... (ну, да ладно, пусть – «Бесконечность»).

Но я ничуть не разгневан. Наоборот, я чрезвычайно доволен тем, что мое ложе наконец-то вышло из повиновения... Это – своего рода восторг, выражаемый по поводу пробуждения национального самосознания чего бы то ни было... Черта, свойственная мне... да еще, может быть, паре миллионов самых оголтелых коммунистов...

Но в данном случае мой восторг несколько умеряется тем, что мой (мой собственный! хе-хе) круп играет незавидную роль горизонтально распластавшейся метрополии и потому не может испытывать особенной радости от созерцания обнаженных суверенитетов...

И самое непредвиденное – и самое раздражительное для меня – это зверский холод, который охватывает понемногу мое ложе и, следственно, – меня самого. Я поворачиваюсь на бок и силюсь разгадать причины беспочвенного похолодания. Я пробую вслух проследить температурную эволюцию моего ложа – но, вслушавшись в свою речь, с неудовольствием замечаю, что с уст моих срываются рассуждения на темы слишком далекие от каких бы то ни было эволюций...

В конце концов меня заинтересовывает тот факт, что моя устная речь, как будто из презрения к ходу моих мыслей, течет в совершенно другом направлении... Ччерт побери... Зна-

чит, я сплю! Сплю! Потому что только во сне может иметь место такой безнравственный разлад!

И мысль о том, что я все-таки заснул, заснул несмотря ни на что, – очаровывает меня до тошноты... со слезами умиления я прощаю своему ложу и отказ от эвакуации в Неизвестность, и попытку спровоцировать температурный путч... Все! Все прощаю! И уже с нескрываемым интересом слежу за направлением своих устных высказываний, кому-то возражаю, озлобляюсь, угрожаю 51-й статьей...

– Ну да, конечно, я вполне с вами согласен... И удои, и удои повысятся непременно! Еще бы – не повысились удои!.. Ну, уж а это, пожалуйста, бросьте... Где она может помещаться, эта задняя нога... И почему – именно у Кагановича – задняя нога!.. Черт побери, если бы вы заявили, что у Энвера Ходжи – два хуя, я бы и не стал возражать вам... как-никак, принадлежность к албанской нации – веский аргумент... Но... у Кагановича – задняя нога!.. Это уже слишком, молодой человек!..

Мне, в сущности, все равно, кому я возражаю. Мне абсолютно наплевать, кто мой оппонент – Спиро Гуло, Вавилонская башня или Бандунг... Мне просто доставляет удовольствие разбивать положения вымышленного оппонента – и в пылу дискуссии я имею полное право называть его не только «молодым человеком», но и, если угодно, ослом. Кто, в конце концов, сможет меня убедить, что я имею дело не с ослом, а с Вавилонской башней?

В сущности, и сам предмет нашей дискуссии мало меня интересует; и если бы аксиома о задней ноге не была выдвинута в такой категорической форме, я бы, может быть, даже поспешил солидаризироваться... Но все дело в том, что я не терплю категоричности, тем более если эта категоричность подмывает репутацию партийного вождя, а следовательно, и международный авторитет моей нации... Я продолжаю дискутировать – из чисто патриотических побуждений...

– Вы говорите – у Кагановича... – задняя нога... Но (дьявол вас побери и извините за выражение) где же гарантия того, что у Шепилова есть кадык? – или – что у Шепилова не три, а четыре кадыка? И потом – 56 млн тонн чугуна сверх плана в первый же год шестой пятилетки – это что? Задняя нога?! А новогодний бал в Кремле? А отставка Идена! А Низами! А удои! Чоррт побери, удои! – о которых вы с таким жаром распространялись! – возможно ли все это при наличии у Кагановича задней ноги!..

И меня охватывает неудержимая радость от сознания бессилия моего оппонента и способности моего мышления ко всеразрушающей логичности... В упоении я размахиваю руками, дабы и физически dokonать своего противника – и с удовлетворением сознаю, что мои удары приходятся точно по ее (ее!) толстым икрам... Говорю – «ее» – потому что угрожающее движение со стороны этих же икр заставляет меня очнуться и узреть наконец и свое состояние, и позу моего загадочного противника...

– Молодой человек! Как вам не стыдно!

Собственно, о каком стыде идет речь? Неужели эта женщина думает, что я лежу перед ней в снегу, только потому что я пьян?! Но ведь я только сейчас почувствовал, что лежу в снегу, – и, может быть, я и вообще не лежу в снегу, а мне просто снится, что я лежу... Нет, пусть она сначала докажет мне, что окружающий меня белый комфорт – не сновидение и что она сама – не Вавилонская башня и не Дух Женевы... Нет, пусть все-таки докажет, – а потом уже укоряет меня в отсутствии стыдливости...

– Послушайте, гражданка! – Вы... это... серьезно говорили об удоях?.. Ну вы подумайте! Она еще смеет прикидываться дурочкой! Она, видите ли, не понимает, о чем я говорю!.. Что-о? Вы – студентка Юридического факультета?.. Ну да, это очень, очень похвально... но не обязывает же это вас, в конце концов, прикидываться ничего не понимающей или разыгрывать роль мраморной Галатеи!..

– И потом: что вам собственно от меня надо? Я же вам, кажется, убедительно доказал, что ваши рассуждения насквозь нелойяльны...

О-о-о! Она даже не скрывает этого!.. Но если вы не скрываете – для чего же говорить мне о каких-то утренних разочарованиях... Неужели вы серьезно пробуете меня уверить в том, что утром я буду еще в чем-то разочаровываться?.. Или вы считаете меня неизлечимым идиотом!.. (Хи-хи-хи-хи)... Нет, вы послушайте, –

– Вот вы говорите: разочаровываться, интуиция, предчувствие, тревога, симпатия, стремление и пр. и пр. – так ведь это же одна видимость, комбинация звуков, а понятий – нет... вернее, в психике-то нет таких моментов. Я хочу сказать – не просто «нет» – а «не было бы», если какому-нибудь первобытному дурню не посчастливилось бы так удачно подставить одну букву к другой – и не получить что-нибудь вроде «стремление»...

Что? Зад чешется? Ну да, это конечно...

– Но все это я к чему говорю? Да дело в том просто, что эти-то комбинации звуков и действуют на меня, вызывая определенные эмоции... Ну, сами посудите, если бы я не знал слова «разочарование» и не знал бы, что после «р» (непременно – «р»!) следует «а» (а не «и» и ничто другое) и т. д. и т. д. – разве же могла бы прийти мне в голову мысль когда-нибудь и в чем-нибудь «разочаровываться»...

Да перестаньте же! Ведь я, как-никак, – мужчина...

– И потом – признайтесь! – у вас конечно же часто бывает едакое неуловимое настроение, даже не «неуловимое» – а... «несказанное»... да нет, не «несказанное»... ну да черт с ним; одним словом – признайтесь, вы часто заявляете, что у вас... гм... настроение, не находящее, так сказать, выражения словесного... А вот я вам не верю! Не верю – и все! Где у вас гарантия того, что ваше настроение действительно «не находящее выражения словесного» – если оно не находит словесного выражения! Потом – само выражение: «не находящее словесного выражения» – это просто отказ от словесного выражения вашего настроения, но никак не его выражение! Значит – нет! Нет у вас ничего! И быть – не может! Все эти дамы вашего возраста имеют обыкновение хвастаться эмоциональной неуловимостью! А ваше хвастовство – зауряднейшая стыдливость!.. Вы даже себе самой боитесь признаться, что, так или иначе, – а все ваши эмоции, как сладные баранки, нанизаны на чешуйчатый член какого-нибудь стремительного сына Кавказа!..

Я хорошо понимаю, что говорю нелепости. Говорю нелепости, потому что еще не сознаю толком, сон ли – мои нелепости, или в самом деле я околачиваюсь в сквере Стромьинского студгородка. Если я действительно извиваюсь перед этой корректной дамой (говорю – корректной – и закрываю глаза на ее безнравственные почесывания, – оцените по достоинству мою склонность к уважению недостойных!) – если это действительно так, то не могу же я молча пускать дым в носовую полость этой дамы. Но, чччерт побери, если я сплю – зачем напрягать ум и гениальничать? – в конце концов, навеки останется тайной, высказывал ли я во сне мировые истины – или безбожно играл словами! Мало того – я сплю – и никто не имеет права обязывать меня к разговору, я могу замолчать вообще – и никто не будет удивляться моему молчанию, потому что и удивляться, в сущности, – некому... А что касается этой дамы, так она – (дьявол меня побери, если это не так!) – обыкновеннейший объект моего сновидения и, следовательно, своего рода собственность моей фантазии, – и я имею вполне законное право ею распоряжаться...

Да и не только ею, но и вкусами, наклонностями ее и т. д. и т. д... Почему бы мне не сделать ее женщиной оригинальной, принимающей, например, любую нелепость за гениальную догадку, исходящую от уст партийного руководителя или божьего праведника... Не снизойдет же ко мне в сновидении женщина с твердой и последовательной философской системой – (избави бог! хотя, заверяю вас, в ее ежеминутных почесываниях было что-то философское и уж конечно же – последовательное). Да почему бы мне, в конце концов, не представить ее

существом зоологическим, способным понимать исключительно лишь язык дворовых собак, – и тогда кто мне запретит встать на задние лапы и лаять по-собачьи? Что бы вы там ни говорили, – а в сновидении я существо вполне суверенное. И потому плюю на все и продолжаю паясничать...

– Вы еще недостаточно ясно, барышня, представляете себе «половую стыдливость»... Это не просто боязнь обнажения. Если вы серьезно считаете, что это исключительно боязнь полового обнажения, то вам просто... несколько не хватает тонкости... Неужели же в общении с представителями противоположного пола вас никогда не охватывала эдакая своеобразнейшая стыдливость – стыдливость, проистекающая от опаски признания со стороны представителя противоположного пола вашей принадлежности к своему полу... Или даже не так: от опасения признания в себе признаков своего пола перед лицом представителя противоположного пола, отрицающим в себе наличие данных признаков... Или – нет... ну да ладно... Если вы действительно студентка Юридического факультета, то я, пожалуй, поспешу прекратить вдования в подобные тонкости...

– Вы, кажется, что-то говорили о симпатиях?.. Да, да, я с вами с совершенностью солидарен!.. Обязательно! Обязательно – противоестественность! В самом естестве человека заложена жажда противоестественности – и ваши эти пресловутые «симпатии» – ярчайшее тому доказательство... Обычайнейший примерчик – вы (о, извините, если я буду несколько груб) – вы никогда – никогда! – не почувствуете настоящего, убедительного влечения к мощному звероподобному самцу... потому что сами вы с гордостью осознаете выдающийся (выдающийся до крайности!) характер ваших гениталий... Точно так же – здоровенному самцу гораздо более по вкусу создания легкие, хрупкие, – если угодно: прозрачные, миниатюрные... – и он в то же время с чрезвычайным раздражением взирает на переполненные до отказа бюстгалтеры... Половому удовлетворению всегда предпочитается половое упрямство... Это – чисто человеческое; это – оригинальничанье мыслящих...

– Мыслящих! Именно – мыслящих! Потому что даже симпатизирует человек – половым органом с примесью разума! – но уж никак не левым предсердием и не правым желудочком!.. Что? Жар в крови?! (Хм... Отрадный факт! Юристка – и... «жар в крови»...) Ну да, собственно, есть и жар; никто не отрицает, что жар действительно имеет место, – но не будете же вы мне возражать, если я замечу, что ваш пресловутый жар вызывается движением бешено несущихся курьеров – от разума к половому органу и от полового органа к разуму!.. И ваше сердце (о, не обижайтесь, прошу вас!), ваше сердце – банальнейший постоянный двор, в котором вышеупомянутые курьеры имеют обыкновение (и довольно похвальное обыкновение) инсценировать пьяный дебош и богохульствовать...

– Вот вам жар в крови и усиленное сердцебиение!.. Вы меня понимаете?

Ну, еще бы не понимать! Она не только меня понимает, но даже выражает полнейшее согласие и игнорирует мое поползновение к грубоватости... Ну уж а это, пожалуй, лишнее... – издавать мои гипотезы массовым тиражом! – что за убожество, подумайте сами! Вот лечь в постель – это я сделаю с преоткровеннейшим удовольствием... и даже сопроводить вас до комнаты готов с безграничной охотой...

«Лечь в постель»... «с преоткровеннейшим удовольствием»... – но, собственно, зачем мне ложиться в постель, если я уже заснул? и зачем засыпать, если я и без того лежу в постели и сплю... Мне просто стыдно (стыдно!) засыпать во сне – и погружаться в сновидения только для того, чтобы ложиться в постель и снова засыпать!.. Тьфу, что за дьяволыщина! Какой черт растолкует мне теперь эту галиматью!..

Нет, ну почему же мне должно быть стыдно чувствовать во сне погружение в сон?.. И несколько даже не стыдно! Наоборот, до чрезвычайности интересно! – И вообще, смею вас заверить, во сне все интересно, – тем более когда чувствуешь, что все ваши действия – не ваши... да нет же, черт побери, – ваши! – но действия человека, отчетливо сознающего, что

все происходящее – сон, и потому получающего неограниченные возможности в области изучения своих сонных действий...

Ну, вот неужели мне не интересно знать в данный момент, какое движение произведет моя передняя конечность, – тем более что я не властен над нею... Неужели же не любопытно: быть самому вершителем – и одновременно наблюдать себя со стороны! Чрезвычайно! чрезвычайно любопытно!..

– Послушайте, гражданка, вы все-таки не верьте себе... Не верьте, что вы его любите... (я говорю просто так... меня заставили говорить – и я говорю... (заставили!))... Я с любопытством внимаю каждому своему слову – и не знаю, что последует за этим словом... Я мучаюсь незнанием того, какое же следующее слово вытянут из меня... Я смеюсь над своей беспомощностью – и радуюсь тому, что эта беспомощность – только во сне...) Вы все-таки не верьте, что любите его! Вы просто убеждаете себя, что любите! Человек не может любить, он может только хотеть любить того или иного человека – и в зависимости от размера охоты – убедить себя в большей или меньшей степени в том, что он действительно любит данного человека! Вот вы – вы совершенно убеждены, что вы его любите... Но – представьте себе – вы попадаете под трамвай, обрушиваетесь с небоскреба или выигрываете 100 000 рублей по облигации государственного 3 %-ного внутр^{ен}него выигрышного займа!.. – Как бы вы меня ни уверяли, но в данный момент вам такое же дело до него и его эмоций, как моему мизинцу на левой ноге – до эволюции звука «и» в древневерхненемецком наречии... Потому что у вас нет, нет времени убеждать себя в том, что вы любите его!..

И почему я уверил себя, что все эти словоплетения вливаются в меня со стороны? Если я все-таки не сплю, – то кто же помешает мне сейчас быть самим собой, исплевать «это пресловутое внешнее воздействие, взять в собственные руки инициативу», – и ударить в затылок эту чересчур уж любящую женщину?.. Ну а если (боже!) я действительно заснул, – так это опять же до невыносимости интересно – видеть себя во сне прикидывающимся неспящим и одновременно наблюдать со стороны, как же это я буду освобождать себя от наблюдения со стороны!..

Опять парадоксы! Но, черт побери, они давно уже надоели мне, эти парадоксы!.. Я устал!.. Устал! И если бы положение мое действительно не было парадоксальным, я бы давно уже махнул рукой на все и лег спать... («лег спать»!.. Дьявол!!)

– Извините, гражданочка, – это ваша комната?.. Ну, в таком случае я отказываюсь бить вас в затылок и удаляюсь со стремительностью существа нравственно гармонического!.. Спокойной ночи!..

В конце концов, я даже не рад, что освободился от этой дамы... Кто бы она ни была – объект сновидения или комплекс явных ощущений, – но она могла бы внести некоторую ясность в вопрос о моем теперешнем состоянии!.. А сейчас я разрываюсь от непонимания! – и одновременно от незнания того, разрываюсь ли я во сне или действительно разрываюсь от непонимания своего теперешнего положения и причин разрывания!..

Ннет, господа, я обязан сейчас же заняться делом практическим – иначе я сойду с ума! Во имя спасения собственного разума – я должен, я обязан гладить брюки, в конце концов!..

Выгладить брюки... тщательно выгладить... – и завтра утром найти их неглаженными!.. Это – невыносимо! Это – хуже сумасшедших перспектив!..

...Хе-хе... Выгладить брюки!.. Это гениально! гениально! – «выгладить брюки»!.. Нет, черт меня возьми, это действительно гениально задумано! Я сию же секунду исплую парадоксы и примусь высасывать все возможное из электронагревательных даров цивилизации!.. И если завтра утром я обнаружу свои брюки действительно выглаженными, то какой же дьявол заставит меня сомневаться в явности всего происшедшего... ну а если они в прежнем состоянии будут покоиться на спинке моей кровати, то... ну конечно! конечно!..

...Я раздеваюсь, аккуратно складываю брюки, ложусь, традиционно погружаюсь в сон, – все прекрасно, по исстари заведенному порядку, без внешних помех, без стука, без размышлений и парадоксов...

...Но – пробуждение!.. пробуждение!! Если бы я очнулся в образе Петергофской статуи или Валаамовой ослицы, я не был бы так раздосадован! Но... представьте себе! – проснуться в штанах!!! – это мучение! это сумасшествие! бред! средневековая фантазия! И все что угодно!.. Это, в конце концов, – пробуждение во сне! Да, да, пробуждение во сне! Я не проснулся – мне приснилось, что я проснулся!! Приснилось!! В таком случае – будьте вы все прокляты, но я не завидую тем, кому каждую ночь снятся пробуждения!!

Я вскакиваю, я хватаю себя за горло – и пробуждаюсь окончательно!..

...«Окончательно»!.. А кто сумеет уверить меня в окончательности моего пробуждения! Тем более что мне каждый день снятся люди, пытающиеся доказать явность моих манипуляций!.. Тем более что...

Но... боже мой... боже мой... неужели же мне без конца хватать себя за горло и из-за легкого каприза моей постели осуждать себя на вечное самоистязание?!!

12 ч. – 6 ч. ночи

14 января

– Да что вы, Александр! Какой я, собственно, декадент?! Тем более – футурист!.. И почему это вы меня причисляете к «четверке»?.. Все эти – люди как-никак интеллигентные, эрудированные, практические... Что? Я – эрудированный?! Да ну вас! У Самосейки – гораздо более обширная эрудиция... И талантливости нет... Немножко знания извращенной психологии люмпен-пролетариев, тяготение к извращениям, и больше ничего... «Почему тяготение?» Не знаю, натура... Могу сказать больше: единственное, что я уважаю – грязь и темнота – во всем... Да нет, не среда... Среда меня не коснулась... «Что...» это даже не важно... Я? Больше всех на курсе? – Очень может быть... даже не сомневаюсь... а «почему»?.. опять же – «не важно»... даже не «не важно» – а «так просто» и «вам не понять»... Ну что ж, буду валяться и в канавах... Обязательно буду... Что же касается извращений – так это издерганные нервы, одним словом – психология... И «футуристы» не поймут... даже – «тем более не поймут»... и Муравьев – тоже... А Михайлов и Скороденко – это уж совсем не то... Это – капризы... Повлиять? На меня? – Да нет, никто... А эта жирная – тем более... Она? Да ну, бросьте... Мой идеал – женщина-самка, женщина-садистка, падшая и бесчувственная... и уж никак не мученица... Я – «прогрессирую в слишком туманном направлении»? Ну уж в не настолько «туманном»!.. А у вас как, Сашенька?.. Все благополучно?.. угу... Спокойной ночи!

15 января

Мапап не умрет. И через месяц – не умрет. Хотя бы потому, что я слишком люблю, когда умирают...

И потом – для восьми последних месяцев не слишком ли много смертей?..

16 января

«Эй! Венька! Уберись-ка ты со стулом в свою комнату, – а то эта Музыкантова всю ночь будет ходить в уборную...»

2/Л. Г. С.

«Ничего не понимаю!.. Мне мерещится, что ли? Посмотри-ка, Сашка... Она проходит мимо, Венька сидит, – и ни один друга не замечает!»

7/Л. Г. С.

«У нее уже, так сказать, к футуристам симпатий нет... И даже к Венедикту... Теперь все Малютин, Рубцов и Терентьев...»

8/Л. В. С.

«Сойдутся ведь два психопата... Уцепились вот каждый за 5-е января и знаться теперь не хотят... Чего это особенного – 5-е января... Вы даже и не говорили друг с другом пятого... Только выдавили из себя в шесть утра: „Пойдем, что ли?“ – „Пойдем“ – и больше ничего».

9/Л. Н.

«Ну почему „на хуй“! Почему на хуй! Ведь она тогда всю ночь перед 5-м январем не спала... А ты – „на хуй“!..»

9/Л. Л. Ф.

«Ты бы уж поздравил ее, что ли, с днем рождения... А то совсем забыл девочку...»

15/Л. Г. С.

«Ну, это даже смешно – целых десять дней не разговаривать... И оба довольны... Даже глупо».

16/Л. Г. С.

16/Л. 1.30 ночи

– Здравствуй, Венька... Это ты что читаешь?..

– Так... «Братьев».

– Что?

– Карамазовых.

– А-а-а... Ну как у тебя дела... с заочным и вообще...

– Да так.

– Ну как – «так»? Расскажи, что ли...

– Ну – все хорошо... Только не мешай, ради бога, читать...

– Да я и не мешаю...

– Черт тебя побери – «не мешаю»!.. Шла бы да занималась... Опять ведь провалишь...

– Ну и что ж... и пойду... А у меня вчера день рождения был...

– Угу... Ну иди, что ли, к черту...

– (уходя) Оссссел!..

– Хе-хе-хя-хя-хя...

17 января

«Главное – занести руку, а ударить –...почти бездумно... это легко...» И в шевелениях рук – гордость. Эти руки убили трех. Парадоксально то, что все три – женщины. И две – совершенно невинные. Третье убийство – единственное, за которым последовало раскаяние... И «ручная» гордость – понятна.

Точные детали университетского инцидента до сих пор остались невыясненными. Единственно кто располагает достоверными сведениями – так это Ст. Ш., внесший своими новогодними излияниями некоторую ясность в вопрос о начале Б-ской карьеры. Ясно одно – жертвой убийства оказался объект нежных помышлений самого Б., – вполне невинная 19-летняя студентка, не сумевшая, впрочем, оценить по достоинству весовую категорию Б-ской эмоциональности.

Неизвестно, пользовался ли Б. взаимностью, но имевший место инцидент убеждает в противном. Впрочем, даже и не убеждает, потому что Б-ская психология никак не входит в рамки человеческой.

Убийство было совершено в апогее самой невинной ситуации. Злополучный «объект» осыпал своим присутствием квартиру Б. накануне его отъезда в Петрозаводск, никак не предполагая, что в тот же вечер вынуждена будет с немалым успехом «освятить» мертвецкое отделение Ленинградской больницы.

Первый удар Б. был неожиданным, вероятно, и для него самого. По крайней мере, невинное перешучивание и совместная упаковка чемоданов никак не могла быть источником Б-ской злобы. Удар был нанесен неожиданно, из-за спины, в тот момент, когда «невинная» тщательно кропила одеколоном содержимое чемодана; – она мгновенно рухнула на пол и (удивительно!) совершенно безропотно, без единого крика принимала на себя все последующее.

Неизвестно, какие инстинкты руководили Б., когда он ударял сапогом по любезным его сердцу ланитам и персям. Он бил долго, равнодушно, выбивал глаза, обесформивал грудь – и в заключение без устали наносил удары в ее «естество» с серьезностью животного и удивительно механически...

Второй «инцидент» был еще более неприглядным... но зато менее юмористичным, чем третий... Два месяца психиатрической больницы и затем 3 года тюремного заключения несколько обогатили Б-ский жизненный опыт и обострили наклонность к романтике. Что и не замедлило сказаться после второго побега из заключения...

Этот инцидент был действительно романтическим, – тем более что имел место в пригороде только что выстроенного Кировска...

Возвращаясь однажды из Апатитского «Буфета» и имея чрезвычайно неприглядный вид, Б. тем не менее мог даже в темноте явственно различить распластавшуюся в переполненной канаве пьяную женщину... Побуждаемый жадой не то полового общения, не то общения с равными, он не замедлил свалиться туда же – и в течение по меньшей мере пяти минут усиленно предавался побуждениям инстинкта в талой воде, снегу и помоях...

Утреннее пробуждение несколько Б. разочаровало. Он с явным неудовольствием узрел перед собой женщину почти старую, с лицом изрытым оспой и залитым «обоюдной» блевотой... Неудовольствие перешло в бешенство, которое и побудило Б. без промедления выползти из канавы, наступить на горло ночной подруги, вероятно уже мертвой, и до отказа погрузить ее физиономию в скользкую весеннюю грязь...

Этот рассказ – у рарап вызывал почему-то дикий смех. Мне же гораздо более смешным и нелепым казалось третье убийство. К тому же призыв на фронт ограничил Б-скую ответственность за его совершение – до 2 месяцев тюремного заключения...

Уже будучи человеком свободным и осуждающим чистоту и трезвость северной цивилизации, он (Б.) буквально – «нашел» в одном из захолустьев Кандалакши законную спутницу жизни. Ничем примечательным, кроме персей и склонности к тихому помешательству, она не обладала, – и самое неудобное в этой склонности была непериодичность ее проявлений.

Но для Б. – это была «единственная любимая» им за всю жизнь женщина. И он неумоимо угождал ей и потакал всем ее странным прихотям...

Как-то ночью она осторожно соскользнула с постели – и в ночной рубашке принялась ходить по эллипсу, поминутно останавливаясь и извергая содержимое кишечника, – что не мешало ей, впрочем, беспрестанно напевать «Вдоль по улице метелица метет...».

Супруг лежал спокойно и, по обыкновению, курил папиросу. Но когда оригинальная «спутница» опустилась на колени перед портретом Косыгина и меланхолически зашептала: «...задушите меня... задушите... задушите...» – Б. несколько вышел из состояния задумчивости. Он аккуратно стряхнул пепел на бумагу, встал... И задушил.

18 января

Господа! Да я просто не знаю, в какую сторону обратить свое исправление!

Ну, посудите сами!

По одной версии я – «морально истощенный, умственно свихнувшийся и нравственный дегенерат», по другой – «квинтэссенция, апофеоз и абстракция человеческой лени!».

Для Муравьева я – талантливая скотина!

Для Романеева – абстракция девической улыбки!

А для Савельева – Раскольников!

Для Музыкантовой – «милый, милый ребенок, противный негодяй, гений и бездарный идиот».

Для Семара – «ярчайший футурист» и «нечто такое в высшей степени неуловимое».

А для Спиро Гуло – «исключительный», «неповторимый»... и «вообще черт знает что»!

Да меня исправляли!

Исправляли, господа!

С 10 февраля до 30 апреля меня неумолимо попихивало куда-то Общественное мнение, а я стыдливо оборачивался и цедил сквозь зубы: «Да ну, бросьте, что ли...» – с 30-го апреля до 5-го января еще неумолимей «попихивало» «нечто такое в высшей степени пышное и двадцатилетнее» – до 9-го сентября изящным кнутиком Недосыгаемости, а с 9-го сентября – грязным кулаком Взаимных Симпатий...

Ну да я ведь неисправим!

Честное слово, господа, неисправим!

Хи-хи-хи-хи-хи!

Ну ладно! Бросим это! – Господа!

Вы можете дать мне в долг двенадцать шестьдесят?

19 января

Всегда только Т.

В Ней совершенно ясно – не уверенный в близости окончания не будет итожить. И увлечение эргизмом ввергает в страх только ночью... Значит – виновата Она.

В Ней все скрыто. А грязные внутренности – убийственно «напоказ». И для меня – только Они; но в гораздо большей степени – Обладательница Их. Исключительно за грязь... Она чище всех прочих; а грязь – истерическая. И искренней чистоты.

В Ней все множится, кроме, разве, бездушия. Зрение – в семнадцать тысяч; все остальное – в куб. Днем свешиваться с крыши – не страшно. В Темноте свешивание даже в воображении заставляет хвататься за подушку, – и сменой тем для воображения отгонять страх.

Еще бы – не быть к Ней влекомым...

20 января

Как вам угодно. – Я могу и отчитаться. Но заранее

предупреждаю: не будет ни преувеличения, ни сглаживания, ни тем более точной констатации. Ни сентиментальщины, ни объяснений, ни восторгов, ни взрывов эмоций. Простое напряжение памяти и изложение сути в диалогической форме.

Можете обвинять в безэмоцийности и, если угодно, смеяться...

.....

– Ах, вы уже приехали!

– Ах, и вы тоже!

– Ну да, собственно, как видите!

– Ах, и вы тоже...

– Интересно все-таки, какая охота вам надо мной издеваться в первые же дни...

– Да, конечно, это незачем...
– И от вас пахнет...
– Водкой?
– Угу.
– Ну, это так... немножко... новоселье.
(до 1 сентября)

– Ну вот почему ты такой? Почему ты – не человек?
– Успокойтесь, гражданка, успокойтесь... Я так-таки человек, смею вас заверить, – а если вас раздражает мое поползновение к дегенерации, так это временно, настроение... и...
– Настроение... Почему у других нет никаких «настроений»?.. И что еще за трагедии...
– Повторяю: никаких трагедий...
– Значит – «настроение»... Ну, Венька, ну вот скажи, отчего у тебя эти самые – настроения?.. Ну вот неужели я не могу на тебя подействовать? Ну кто, кто может тебя убедить... Ну, скажи – кто... Я бы не знаю, как стала бы его упрашивать...
– Да ну вас, гражданка. Надоели. Уйдите.
(1–8 сентября)

– Фу, какие мы оба Достоевские!
– Фу.
– Как это все хорошо... И не грыземся, как в первые дни...
– Угу... и не грыземся...
– А вот у нас в Великих Луках...
– Ну! Что у вас! Вот у нас на Севере...
– А мама все болеет...
– Да? Четвертый месяц уже...
– А она так смеялась, когда я ей читала твое второе письмо... У нее тогда 39 градусов было...
– Глупая, наверное...
– Венька! Брось!! А то вот сейчас встану и уйду...
– Хм... уйдешь... и через полчаса опять придешь... как вчера... и будешь торчать еще 4 часа...
– Ну вот – хочешь – уйду и не приду сегодня?
– «Сегодня»! А завтра опять притащишься...
– Ну хочешь – не притащусь!
– Хочу...
– Врешь ведь... не хочешь...
(9–23 сентября)

– Ну, ты занимайся, а я тебе винограда притащу...
– Угу...
– Только не убегай без меня... А то – я знаю...
– Угу... Тащи скорей...
– Zu Fuss gehen... erwacht... zu Fuss... entwickeln... М-м-м!! ВОТ уж спасибо! А ты бы сама-то спать шла... Я и без тебя...
– А чего приказываешь? Я вот нарочно книгу принесла, буду читать. Чтобы ты не убежал... и всю ночь сидел...
– М-м-м... энт-гегент-рэтен... черт побери... руихь, руихь... ддявольщина... энт-гегент-рэтен... чего это ты на меня так смотришь... мне даже страшно... руихь...

– А ты занимайся... и не следи, пожалуйста, за мной...
(23 сентября – 5 октября)

– Что-о-о-о-о?

– То, что слышала... Ничего больше...

– Тты... ссссволожь...

– Угу... Счастливо... Не споткнитесь, пожалуйста, там у дверей стул... Темно все-таки...

Хи-хи-хи...

(6 октября)

– А ты думал, я уже никогда не приду...

– Ничего я не думал...

– Но признайся – то, что было в субботу, – это свинство...

– Никакого свинства...

– Никакого, главное... Ой, а вчера, помнишь, у...

– Ничего я не помню...

– А какого это черта ты на меня злишься? И какое вообще право ты имеешь – на меня злиться?

– А ты – какое?

– Ух ты, подлец!.. «Какое» еще, главное... Да я и не злюсь...

– Угу... и я тоже...

– А вот у нас в Великих Луках...

(11–12 октября)

– С тобой даже страшно в темноте сидеть... Вот говорим, смеемся... А вдруг ты мне по лицу ударишь?

– Хе-хе-хе... Фантазии, гражданка... А это даже недурно... Перед кем-нибудь сначала на колени пасть, а потом встать и ударить по физиономии...

– Это для чего же?

– Так... Психологический эксперимент...

– Может, тебе еще на мне захочется проделать этот эксперимент...

– М-да... только, пожалуй, без первой части...

– И ударишь?

– И ударю!..

– Подлец.

– Как вам угодно.

(13–22 октября)

– Каждый день к тебе ходишь, уговариваешь...

– Вот ддьявольщина! – разве ж я заставляю тебя ходить и уговаривать...

– Еще бы – ты меня заставлял... Я бы тогда и не пошла...

– Чччерт тебя возьми.

– Тебя черт возьми... И прекрати эти глупости... Пойдем заниматься...

– Не пойду.

– Пойдешь...

– Не пойду...

– Дурак.

– Дура.

– Ну вот, скажи, чего ты хочешь от...

– А чего ты хочешь?.. дура...

– Дурак. Ну? – может, еще раз скажешь? Тогда буду бить... Пойдем, говорю, заниматься! У окна как раз два свободных места... Я тебя проверять буду... Попохочем... А?.. Ну, пойдем, Венька...ну вот две конфеты дам...мороженое куплю...

– Все равно не пойду.

– Ну, Веничка, ну, миленький, ну три конфеты куплю... на тумбочке уберу... ну вот, хочешь, на шее повисну...

– Да ну тебя с нежностями... Сейчас... пойду... Закурим по одной, что ли?

(26 октября – 9 ноября)

– ...И всю жизнь, всю жизнь – плачу... Конечно, для всех я бестолковая дура... Может, я и в самом деле дура – хожу вот сюда каждый день... Все смеются, наверное... И болтают чепуху какую-нибудь... И пусть... Хочешь булки с изюмом?..

– Хочу... Это ведь лучше, чем слезы-то...

– Дурак...

– Ну конечно...

– А чего ты обижаешься?.. Это ведь я так... Я и не хочу ругаться...

– Да я понимаю...

(9 ноября – 3 декабря)

– А что, – я, по-твоему, плакать должна? Не заставишь! Если ты злой, так и все около тебя реветь должны? Хе-хе... Как бы не так... Вот сейчас возьму и буду здесь перед тобой штучки разные выкидывать... и свистеть буду в пальцы... и петь... И не прогонишь! Не прогонишь!..

– Катись-ка ты...

– Ну – куда? куда?.. ну договаривай...

– Отстань, к дьяволу...

– «Отстань»!.. А ты что думаешь – мне уж так трудно отстать?.. Думаешь, такое уж это удовольствие – со всякими тут ругаться... Вот я хотела тебе показать что-то... а теперь не покажу... И на коленки встанешь, умолять будешь – не покажу...

– Ккатись, говорю...

(4–13 декабря)

– Что?!! Ты... матом... Венька!.. Тты пьяный! Ты не мог мне так... Венька! Ты пьяный!! Да?..

– Ннет... не знаю... т-так...

(15 декабря)

– Ну пойдем...

– Да нет, не хочу... холодно... и второй час уже...

– Ну чего – холодно?.. Пойдем... опять безобразничать будем... Ой как смешно, когда вспомню... Ты так замерз вчера...

– И ничего не замерз...

– Угу! Говори мне... Сам с меня и платок теплый стащил...

– «Стащил»! Сама же меня закутала, как черта...

– Ой, ну в этом платке ночью ты просто дитя, прелесть...

– Угу... Ну чего эта жирная и косой вечно целуются...

– А ты не смотри! Тебе вредно... развращаться... И не смотри на них... Ты дитя... пойдем, что ли, на улицу...

– Пойдем...

(21–29 декабря)

– Замолчи... к дьяволу... я сам знаю, что мне делать... и вообще – уберись куда-нибудь подальше... противно даже...

– Идиот... Что ты знаешь?! Ни черта ты не знаешь! Без меня-то ты заживо сгниешь, в водке сгниешь!! А я то уж уберусь!.. И торжествовать буду заранее... Плюну на т...

– Прекрати... Ссскот...

(5 января)

21 января

И вместо нервов прельстил оштукатуренный потолок... Вот видите... Видите... Это ведь он нарочно... Ему ведь совсем и не хочется опускаться – некогда... и потом – дисгармония... А двадцать один рубль расшевелили... А раз – шевеление – так какая же может быть гармоничность...

Он даже и не кривляется... Он просто упоен своим уродством... Вот видите – обернулся и целует свой горб... Он ведь ужасно любит свой горб... этот, горбатый... И уверен, что любовь – возвышает...

А что – туман, так это и не нервы... и не весь потолок... Да и не все ли равно...

22 января

«Из дневника вырвано несколько страниц кровью кающихся поклонников! Помните! – Засиравание своего человеческого достоинства и откровеннейший мазохизм – в отношении к человеку любимому – дело самое святое!

А святость – отпугивает жаждающих освещения! В таком случае – да здравствуют сумерки и – долой электричество!!

Изъять из обращения карманные фонарики! Периодичностью – дисгармонизировать скрытые нервы! Что же нам делать, если мы родились сумасшедшими!

Мы – не выжили из ума! Мы не будем сжимать грязными пальцами пьедесталы румяных и улыбающихся рож! И оглашать... <...>

23 января

Благодарение богу, нет никаких ударов, – и все спокойно.

Шестнадцатого пил.

Семнадцатого пил.

Восемнадцатого пил.

Вечером 18-го упал в постель – и проснулся 19-го в полдень. Протер глаза, повернулся на другой бок – и очнулся в полдень 20-го.

Двадцатого пил.

Двадцать первого пил.

Вечером 21-го лег. И проснулся в полдень 22-го. Сидел до вечера, стиснув голову руками. Вечером лег в постель. И ожидаемого не последовало. Прошел и задохнулся.

Двадцать третьего пил.

Двад

.....

24 января

Завтра! Завтра!

Я уже чувствую себя вечерним...

...оно удаляется, – и то, что помещается в нем – тоже...

...и все исчезает...
...а я не буду поднимать голову и простираться вслед...
...я не устану быть незамеченным...
...и следить не буду...
...и не брошу последнего...
...и не потому что последнее обмануто...
...просто – не хочется...
...не хочется уверять себя самого в правдивости вчерашнего...
...и всего происшедшего...
...гораздо проще – лежать и захлебываться...

25 января

4-го июля не будет.

Там были плохие часы, здесь – ни секунды. И плакать не хочется.

26 января

...А Самосейку арестуем! В первую очередь! Изучим прозу и вскрыем нелояльность! Помните? – Борис неожиданно сталкивается в коридоре с неизвестной дамой? И дама приглашает в свой будуар неожиданно столкнувшегося?..

Смею вас заверить – Борис – не что иное, как мировой империализм! Хе-хе-хе! Он не откажет в приглашении молодой даме! Вне всякого сомнения, мы имеем дело не с простой дамой, а с Египетской Республикой или (шире!) – с Ближневосточной Внешней Политикой. Он (мировой империализм) без трепета вступает в пределы дамского будуара (под будуаром разумеется ближневосточная экономика, а империалистическая жажда вывоза капитала остроумно возводится в ранг полового томления Бориса).

Переступив порог вышеобозначенного будуара, он закрывает дверь на крючок! Без сомнения, крючок символизирует конвенцию 1888 года! А что касается незаметности закрытия, так это – видимость, уверяю вас! Она (то бишь Дальневосточная Ближняя Политика) замечает все, – она делает вид, что ничего не замечает! И это в ее интересах, черт возьми! Ее плоть жаждет! А английские доллары-сперматозоиды зарождают колониальность в ближневосточной утробе!..

И вдруг – эта стыдливость!

Даже не стыдливость, а коммунистические наклонности полковника Насера!.. В этих наклонностях – вся суть дамской целомудренности! Ей, видите ли, больше не нужны английские доллары! Она национализирует собственную экономику – и решает основательно заняться онанизмом!

Хе-хе-хе-хе-хе!

Коммунисты торжествуют! Коммунистические идеи играют роль бутафорских фаллов! Пусть – безжизненных! Но гарантирующих благословенное бесплодие!

А благородство империалистического полового томления высмеивает теперь даже неграмотный извозчик Непал!

Все – к лучшему!

...И везде – вуали!

Вы думаете – я действительно сейчас переворачиваю бутылку и наполняю второй стакан? Готов спорить на что угодно, – это мировой имп...

А-а-а-а, черт! Следует отметить – второй стакан пьется с меньшим отвращением, но обыкновенно сопровождается сморщиванием. Сморщивание погружает в воспоминания, а легкость проглатывания – ударяет в мечты! Кроме всего прочего – исчезновение всяких эмоций перемежается с удвоением. Это – почти тра...

А Доманович восстает против традиции!.. Я опасаясь даже, что Доманович упорствует и нарочно меня трезвит отказом от ДДоомм и т. д... В таком случае я убираю Домановича и настраиваюсь на «Подмосковье»... Нервы закачают Москву, Москва успокоит нервы...

И ве-э-эчно све-эт этих дне-еей
Будет жить ваа мнеее.

Ну конечно же, и от Подмосковья не нужно ожидать бывшего качания. Сильное качание всегда сопровождается значительным... Качался 12 августа – и отверг тамап. Извивался 16 августа – и обрел новую мать. Двухлетнюю и недостойную. А теперь – значительное в стороне. И даже Подмосковье не парализует нервы. Кружения не будет...

Водка не виновата в отсутствии кружения. Сколько бы я ни пил, я не буду качающимся, пока не закачается все находящееся в поле зрения. А если закрыть глаза – зашевелиятся представления, исказятся мыслишки... И заменят Подмосковье... Пустоты нет, – а значит – хаос...

Он еще не коснулся Домановича, но столица уже раздвоилась – размышления о качаниях так-таки раскатали Подмосковье... Теперь только подтолкнуть кружение – и все предстанет невинностью...

Да и действительно – какая же может быть пустота, если ветер сбивает с ног и дождь в темноте кажется ледяным... А в глазах и у меня, и у Недостойной двоются Кировские огни...

– Брось, Веничка, ты не сумасшедший. А я – нормальнее всех...

И триста грамм начнут ее сейчас выворачивать изнутри...

Это даже самое яркое – обретенная «тамап» петляет по железнодорожному полотну, спотыкается и готова в любой момент удариться головой о мокрые рельсы и извергнуть из зева все содержимое... А сумасшедший der Sohn изучает траекторию удаляющейся тамап и поднимает воротник куртки... И, провожая взглядом апатитовый поезд, ждет тревожных сигналов... И заранее хохочет... Оорригинал...

Да разве ж я виноват, что моя природная тамап имеет обыкновение все благословлять... и предсмертное остроумие супруга... и веревочную петлю Недостойной... и три пули калибра 9,6 мм в спине Юрия Васильевича... Все дышет невинностью...

И все – к лучшему.

Не исправлять же мне человеческий род, черт возьми... И не вечно же мне спорить с Ченцовым – о благородстве, а с Муравьевым – об интуициях...

Я предпочитаю третий стакан...

Пусть теперь кривляются и Доманович, и Подмосковье, и веревочные петли... Нна здоровье, господа!.. Мне вас немножко жалко, ну да уж судьба... Мы сами, родимый, закрыли и так далее... Неужели не судьба, раз – закрыли и так далее... И потом – я слишком люблю плач... Стоит мне увидеть человека плачущим – и я на всю жизнь проникаюсь к нему бешеным увважением...

Это все, наверное, от африканских нарродов... Духовное родство... И удобнейшие намордники. Как у выдающихся киноактрис... И почему-то страшно... Романеев читает Достоевского... и мне от этого страшно... И еще, может быть, от потепления...

Это всегда так – от потепления в погоде – приятный страх и ненависть к Кольскому полуострову... И «Мемуары» де-Коленкура...

27 января

Спиро Гуло обвиняет в загадочности.

Муравьев – в простоте.

И мне неловко даже в сугробе.

Неловко – и все тут. Что же со мной поделаешь...

Дневник

28 января – 31 марта 1957 г.

III

Еще раз продолжение.

И окончания не будет

28 января

А это даже интересно.

Каждый день подсчитывать оставшиеся зимние дни – и от первого марта ждать сверхъестественного.

Каждый день с восторгом воспринимать потепление атмосферы – и чувствовать ненужность февраля.

По утрам благословлять открывание дверей и стремительность сквозняка.

А ночью падать в сугроб и с удовлетворением констатировать отсутствие в небе северного сияния; а в самом сугробе – мартовский озон...

Я хочу первого марта!

Первого марта...

...я закрою двери и окна, зароюсь в постель, буду вспоминать жажду марта – и мне будут противны и теплота, и влажность!

29 января

Обязательно! Обязательно займусь сравнением.

Но теперь никак невозможно. «Январская» пустота. В голове и во всем.

30 января

Везде – ночь, везде – половое томление, и потому все – музыкально...

Г. Сепар

Далекие огни

Темная ночь...
Блещут огни...
Где-то за дальним курганом пылают огни...
В сердце – вопрос...
В мыслях – рассвет...
Снова на крыльях мечты прилетает рассвет.

Темная ночь
Близит ответ,
Темная ночь мне расскажет забытые сны...
Светлые дни
Близкой весны
Пусть убегут за курган, где сверкают огни.

В сердце любви
Не возвратит
Даже за дальним курганом мерцающий свет...
Пусто в груди...
Страшен рассвет...
Страшно мигают во тьме золотые огни...

Н. Тарлашев

Дремота

Тихо...

Все тихо...

Умолкают последние нежные звуки уснувшей природы,

Листья дремлющих ив что-то шепчут друг другу

безмолвно,

И какой-то неведомой грустью подернуты спящие воды...

Спящие...

Воды...

Безмолвно...

М. Петросян

Я устал

Я устал от любовных ропотов,
Я ослеп от ночного бдения,
Мне не нужно греховных шепотов,
Мне противны людские волнения.

Мне противно греховное бдение,
Я устал от любовного шепота,
Я ропщу на свое ослепление,
Я шепчу об усталости ропота.

Я шепчу о любовности бдения,
Но устал от ночной ослепленности,
Мне противны ночные волнения
И не нужно греховной влюбленности.

Я слепой – в ослепленности бдения,
Я устал от усталости ропота,
Я шепчу о греховных волнениях
И взволнован греховностью шепота.

(из цикла «Господа, я встал с постели»)

А. Терентьев
Ни слова

Ни слова прощания, ни слова прощения,
Ни проблеска жалости, ни тени раскаяния, –
Забытыми вязами ночного свидания
Не будет внимаемо соловьиное пение...

Но снова забытое проснется в сознании
И снова рассеется туманность забвения, –
И сердце согреется сознанием раскаяния,
И счастье сознания искупит прощение...

Л. Самосейко

Бросьте кокетничать!

Ах, погодите, милая!
Вы не сказали главного:
Если вы любите, милая, –
Отчего же боитесь главного?

Ах, перестаньте, крошечка!
Вспомните ваше прошлое!
Вы же признались, крошечка,
Что ваша невинность – прошлое!
Ах, не сердитесь, лапочка!

Ваша упорность тягостна!
Разве ж бывает, лапочка,
Тело любимого – тягостно?

Ах, поспешите, душенька!
Вот и рассвет подымается!
Вместе с рассветом, душенька,
Хер и любовь подымаются!

Сбросьте стыдливость, милая!
Сбросьте бюстгальтер, лапочка!
Сбросить вам веток, душенька?
Сбросить вам счастье, крошечка?
Сбросить?!
Прррекрасно, Шкатова!
Сколько с меня причитается?

В. Савельев

Музыкальная элегия

Ночь встречает меня душным запахом трав,
Томным блеском луна покоряет меня,
В этом блеске волна непонятно грустна
И напрасна тоска в дивном запахе трав.

Я не стану взывать, дорогая моя, –
Ты обманешь меня, не узнаешь меня, –
И ночная земля не устанет рыдать,
И меня навсегда заласкает волна...

Вновь настанет весна, пролетят облака,
И угаснет в веках мой печальный рассказ,
И заплачет луна, и затихнет волна,
И заполнит глаза молодая слеза...

31 января

И обязательно Валерий Савельев...

...иногда – в обличии водочной бутылки, но чаще –
в образе ангела-хранителя...

И в этом случае даже приход его заранее предсказывает видимость...

От земли поднимается традиционный туман... скорее, не туман, а тепловые волны... что-то вроде испарений нагретой земли...

И надоевшие чудеса моментально улетучиваются в atm...

А все воспринимаемое начинает вибрировать... Все предвещает ангельское шествие.

Это – Он.

...Он останавливается, опускает руки и аккуратно пережевывает колосья национального герба... Он уже не вибрирует. Он только любит тихомировским отражением... И весь его вид выражает полнейшую растерянность перед лицом совершаемых чудес...

И я объясняю ему, хотя понимаю, что недостойно чудесному растолковывать материальность совершаемого...

Я объясняю ему, что только перцовая виновата в тихомировости его отражения...

...а в зеркальной поверхности 220-вольтного утюга его лик предстанет перед ним во всем благородстве Иденской физиономии...

...и что это – чрезвычайно увлекательно – рассматривать свое отражение во всех зеркальных поверхностях – и с удовлетворением сознавать, что в колпачке будильника перед вами вырисовывается Бридкин, а в луже Остаевской мочи – капитан чехословацкой хоккейной команды...

...и тщательно изучив химический состав Остаевской мочи, вы можете с научной точностью определить причины отсутствия в вас спортивных наклонностей...

...а распознав в хоккейном капитане человека нервного, с уверенностью констатировать степень Остаевской невинности...

...я объясняю ему...

...но не в силах исказить усмешкой скорбный ангельский лик...

И я продолжаю убеждать его в том, что ничто так ярко не характеризует духовное богатство человека, как то, что он находит для себя действенным в смысле пробуждения эрекций...

...и обосновываю естественность Матусовского бессмертия...

...и в доказательство привожу цифры роста азиатской преступности...

...вместе с ростом материальной заинтересованности кооперативных работников...

...И ему вдруг становится так тоскливо, что я обрываю себя на полуслове...

И поворачиваюсь на другой бок.

10 ч. утра

1 февраля

Долой трагедии!

И – никаких симпатий!

Лично меня интересуют только панельные узоры!

2 февраля

Любопытно то, что К. отмечает семейные обстоятельства и все внимание сосредотачивает на «личных»...

В его голове все предстает вполне разрешимым и безобразно понятным:

Вас ударяют зимние каникулы, потом весна...

Лето толкает в другую сторону – и вы иначе воспринимаете весенний «объект»... Невинность предстает уродством. И только потому, что весенний «объект» кажется даже в смысле внешности – искажением «тапан»... А тяготение к Искаженной заставляет стыдиться лета и проникнуться безразличностью к «тапан»...

Декабрь окончательно все мутит. И в голове – полнейший хаос...

Все невообразимое начинается с 10-го:

Двое суток проходят в ожидании...

13-го вы неожиданно поворачиваете к августу – и в ночь на 14-е пытаетесь всхлипывать...

14-го глотаете водку.

А на следующий день, принимая Schwester Ант. Григ., втискиваете мат в выражение крайней раздражительности...

И вместо истерики слышите трогательные успокаивания.

И на целую неделю отбрасываете от себя Schwester...

16-го снова пьете,

17-го неожиданно «реабилитируете» «тапан» и пытаетесь благословить изящество колючей проволоки...

В ночь на 18-е серьезно помышляете о самоубийстве.

А днем ударяетесь в меланхолию... и мысленно падаете перед «тапан»... И целуете белые икры... И слышите над собой традиционный «тапан»-овский афоризм, который заставляет холодеть...

19-го пьете,

20-го проходите мимо Schwester и вдруг повторяете вечное «тапан»-овское: «Все равны, Веничка! Все один божий хер сосем!» – и внутренне заливаешься идиотским смехом...

21-го исключаетесь из университета.

В ночь на 22-е попадаете в музыкантовские лапы...

И целую неделю не пытаетесь из них вырваться...

25-го с восторгом приемлете весть о самоповешении «тапан» – и снова ударяетесь в sentiment...

Еще несколько фактов:

Вечером 25 декабря вы спокойно откладываете письмо – и внутри вас – сплошной детский восторг, без малейшего волнения. Вы ложитесь в постель и видите перед собой обычные ржавые трубы, которые за 4 стромынских месяца вполне вами изучены и не представляют никакого интереса. Но вы смотрите на эти трубы – и вдруг вас охватывает невероятное волнение, которого вы никогда раньше не испытывали. Вы не думаете ни о веревочной петле, ни о чем другом, – вы видите перед собой только испорченные железные цилиндры, вы прекрасно сознаете, что это ржавые трубы – и ничто иное...

И тем не менее вы не просто – волнуетесь... Вам почти не хватает дыхания... Одно мгновение вам кажется, что в НИХ – ВСЕ... вы спешите отвернуться... и целую минуту восстанавливаете дыхание...

Или – еще:

Ночью 16 августа вас неожиданно охватывает физическое отвращение к собственной матери... Вы как будто снова вдыхаете запах Недостойных ног, снова чувствуете

на своем лице грудь Недостойной – и вам хочется во сне еще раз быть «прижатым» и уже никогда не отрывать своего лица... Одно представление – убивает в вас все сыновнее – и вы хотите видеть родную мать непременно мертвой... Мертвой... иначе вы сами ее задушите...

Другого рода отвращение утром 26 декабря вызывает в вас созерцание Ант. Григ. И отвращение необъяснимо... Вам совсем не кажется, что ласковая Schwester – искалеченная и снятая с веревки «тапан»... Вы даже не ждете, что ЭТА начнет сейчас извергать рвоту и отборный мат... Вы хорошо понимаете, что не будет ничего подобного... Не будет, потому что внешний вид Ант. Григ. хотя и повторяет «тапан», но ломает в нем самое главное и все остальное убивает... И только поэтому она не будет перед толпой воинов Советской Армии обнажать половой орган и щурить пьяные глаза... «Мальчики! Гоноррре-я!» и идиотски смеяться... А потом восторгаться перед вами своей манерой отпугивать... И «невозможность» – бесит вас... Вы прослушиваете преимущества заочного отделения и ужасно волнуетесь – стоит вам почувствовать запах водки из этого рта – и вы сойдете с ума... вы последуете примеру Бридкина и ударите ее ногой в... Ударите именно туда, потому что, в противоположность «тапан», вы не можете иметь точные сведения о цвете ее половых волос минимум из десяти источников...

И потом долго не можете унять дрожь своих пальцев...

Уверяю вас, это не романтично... Я сожалею только, что в наследство от отца не получил умения совершенно искренне смеяться надо всем ужасным...

И об этом – последний раз...

Мне самому... дурно...

3 февраля

Подите прочь! Сегодня я – сын алтайских степей и игнорирую первые февральские бураны!

На поприще самоубийств мне улыбается карьера! И Алтай – свидетель! Алтай протягивает мне потную ладонь! Степная столица выбрасывает по одному!

Одним словом – Тарлашев одобряет мои замыслы! Я окрылен!

Завтра в столицу въезжает толстая. У меня развязаны руки. Последний январский день – со мной. 4 февраля убьет остальное.

4 февраля

«Да я тебя понимаю, Вениамин, я вообще хорошо понимаю тебя и тебе подобных... Просто – люди, которые обо всем судят из книг... Вас лелеяли мама с папой, заставляли учиться, держали в руках... А теперь, значит, вы предоставлены самим себе, вам все кажется, так сказать, ничтожным, легким и радостным... Заиграла молодость... легкомыслие молодости, если можно

так выразиться...хочется оригинальничать, на все плевать, пускать пыль в глаза... А ты вот посмотри жизнь... Ты узнаешь, какой ты был глупый, когда оригинальничал... А все-таки все действительно не так просто, легко... и не так весело, как тебе кажется... Ты даже еще и любовь-то не знаешь, что такое... А порешь такую чушь про семенники... Я вот тебя уверяю, – если ты полюбишь кого-нибудь, то любовь тебя перевернет... Вас всех не так трудно и понять... Вы у меня как на ладони...»

А. Ченцов

«Тебе просто вредно читать Достоевского... Обязательно будешь таким мрачным, если запрешься в комнате... ощущать там всякие ужасы будешь... и тебе все будет казаться мрачным и ужасным... Тебе вот правильно говорили... что в действительности все не в таких мрачных красках... Ты вот ненавидишь смех, на всех смотришь, как зверь, со своей кровати... И на что тебе жаловаться, интересно?... Насчет девчонок у тебя всегда будет прекрасно... В твоих способностях никто не сомневается, учиться ты можешь замечательно... И непонятный ты, чччерт... Все ведь живут хорошо, как люди... Ты не забывай никогда, что ты живешь в советском обществе... а не в какой-нибудь там...»

С. Гуло

«В таком случае, о чем ты думаешь вообще?... Вот ты говоришь – читаю книгу и вдруг бросаю ее и без движения лежу подряд несколько часов... Так интересно все-таки, ты ведь о чем-нибудь думаешь... Ну, не о будущем, предположим... Хотя я и первый раз встречаю человека, который совершенно не думает о будущем... Ну, вот хотя бы твое отчисление из университета... Я понимаю, человек, у которого в перспективах – хорошая, трудовая жизнь, человек, жаждущий нового, – ну тогда понятно, он может выражать радость или равнодушие... Но ведь ты-то, ччерт побери...не понимаю!! Ты что, насквозь легкомысленный?... Так это на тебя не похоже... Легкомыслие у тебя показное... Я сразу тебя распознал... Я всю ночь слушал твою беседу с этим... албанцем... и убедился, что ты человек чертовски умный... Что касается твоей лени, так я совершенно ничего не понимаю!.. В жутких семейных условиях быть первым в школе по прилежанию... и тут вдруг... Не понимаю, не понимаю... Я сегодня даже хотел побеседовать с твоей посетительницей... Между прочим: будь более воспитанным в отношениях с женским полом – а то что же это такое – дымить девочке в нос и тут же посылать ее к черту... Удивительная терпеливость... Ты, собственно, к ней ничего... этакое... не имеешь? Нет? Ну, тогда тем более...»

Заочник

«Брось это всё, Венидикт! Как-никак жизнь-то ведь она хороша, черт возьми! Солнце... любовь... радость... и остальное... Прославлять веселье надо, Венидикт, – у тебя все к этому данные!.. Читай Кольцова! Бернса! Улыбайся! Хотя бы потому, что тебе слишком идет улыбка! Люби!.. И в старости тебе приятно будет вспомнить молодые годы! А ты... Глядишь на невинную, приятную девочку – а видишь... блевоту, сифилис, животность какую-то... Да я бы на месте этой толстенькой... а чччерт... Как это вы оба... меланхолика... не понимаете, что ведь жизнь-то! жизнь!..»

С. Сайтов

5 февраля

Главное – пережить февраль...

1 марта уже кажется священным...

То, что началось 26 декабря, до невыносимости разрастается... ночью почти страшно... а днем – лужи приводят в восторг...

Я не хочу верить, что все началось с декабрьской петли... Только февраль и показал петлю... И я ее забуду, обязательно забуду...

Только бы... первое марта...

6 февраля

«Пусть только попробует!»

8 февраля

Все – хорошо...

Вы совсем не думаете оригинальничать, вы просто узнаете, что эта неделя – последняя в смысле жилищно-коммунальном...

Только и всего...

Известие вас не волнует, вы спокойно возлагаете на приказ коменданта массивную пролетарскую пятку...

Уже пролетарскую...

И далеко не восторженно приемлете музыкантовский стук...

Вас, конечно же, – радуют...

Вам до невероятности хочется...

И на вашей физиономии – брезгливая восторженность...

А улыбки – в одинаковой степени и нескончаемы, и обоюдны...

И без этого невозможно – вы оба слывете загадочными в пределах своего пола...

Вы улыбаетесь...

И неожиданно для себя просите прекратить посещения...

Вам надоели «эмоции»...

Всего-навсего...

Они вам совсем не надоели, вы только представляете себе, что они надоели вам...

Даже не представляете, а хотите представить...

Да и вам совсем неинтересно знать, что внутри вас, вы просто попросили прекратить ежедневные стуки...

Потому что периодичность стуков...

Во-первых, порождает сплетни, а во-вторых – расстраивает ваши нервы, как и всякая другая периодичность...

Ваши доводы убедительны...

Но они не казались вам настолько действенными...

Настолько действенными, что вы даже не смотрите на удаляющуюся, –...

Вы ошарашены убеждением в убедительности доводов...

И даже не ошарашены...

Мало ли что внутри вас – в действительности-то вы же совершенно бездумны...

Вы проживете оставшееся без стука...

Уедете без стука...

И ничто не омрачит.

9 февраля

Яцкявичус выдвинул ТНВЕ.

Михайлов – в восторге от неврастении.
Муравьев ударился в намечание перспектив.

12 февраля

Магю-ю-у-у-у!

Перенестись в заоблачность и немножко посидеть...

Белые коврики!.. Самое удобное из всех жизненных... Благ!

Через неделю буду рыдать... Двоюродные сбегутся с медикаментами... Искусственное дыхание... И все отдадим ему!

Завтра – моя первая ночь!.. Я заберу с собой все относительное... Скамейка... Даже невозможно распознать то, что шесть недель манило!.. Семь!.. И буду тщательно углубляться в ядерные и половые проблемы!.. Обязательно...

Все встанет на место!.. А я не в силах любить то, чего не созерцаю... И за неделю странствий!..

Все приютит зимняя добродетель... Уткнувшись в сочетание четырех букв... И плакать про себя – самое освежающее!.. А ЭТО улетучится... Сам разбросаю!

Пока – в теплое лоно... «В»... а не «на»... Все северное вытрясти в первый же вечер!.. А делать только желаемое – это и есть отдаваться воле рока!

В первый же вечер.

13 февраля

Дева Ночная Романтика жаждет приять меня в свои объятия.

А мне гораздо более по вкусу рослый армянин Ночлег. Дыхание закавказской силы выбивает из меня половые откровения, и тешит мои взоры светлюбивый член, почерневший от нежности...

Все духовное заглушается во мне единением с армянской нацией...

Все дофевральское растворяется в привокзальной атмосфере...

И я совсем не намерен спохватываться или приходить в сознание. Что касается сознания, – так теперешнее мое горизонтальное состояние – высшее из всех 18-летних проявлений моего практического разума.

Хотя само горизонтальное состояние несколько неразумно. В этом смысле, – я готов отдать должное практичности инвалидов. Им гораздо теплей; у них еще есть желание оставаться вертикальными и отдавать оставшиеся конечности в фонд национального фольклора.

А я не намерен поддаваться агитации заводов Главспирта. Меня вполне удовлетворяют каменные ступени и вокзальные сквозняки. Я с наслаждением запахиваюсь в пальто и пытаюсь переключить внимание на что-нибудь более двуногое.

Двуное нарочно меня избегает. А инвалидный грохот переполняет черепную коробку.

Что бы ни олицетворяли грохочущие костыли – объемистость жизненности или пролетарскую неумолимость, – мне важен сам факт соприкосновения шести символов с транзитным паркетом...

Голове моей, жаждущей торможения, в данный момент ненавистны все соприкосновения, убивающие замкнутость шумовыми эффектами...

Моему горизонтальному положению несимпатично массовое падение пролетарских костылей...

Мне нужен сон хотя бы с точки зрения гигиенической.

Однообразие ощущений убеждает меня в рентабельности гигиены...

Я засыпаю...

И не массовое падение раздвигает теперь подо мной отходы деревообрабатывающей промышленности. Не инвалиды, а самые заурядные двуногие стряхивают с себя опилки и ковы-

ряют в пальцах нижних конечностей, сопровождая беспрецедентное ковыряние оглушительным грохотом...

Грохот не возбуждает.

Грохот слетел ко мне вместе с источником шума и трупного запаха. Оба они убеждены в непогрешимости мозговой биологии – и предпочитают ненужное мне усыпление.

Я слишком хорошо понимаю их...

От моих восприятий не скроется искривление белорусского лика, в который преобразается источник... Оно мне давно знакомо, это искривление... И физиономии всех сбегających на шум давно уже опостытели мне, – только испуг, начертанный на знакомых лицах, скрашивает однообразие...

– «Как отвратительно пахнет!» –

Толпа окружает страдальца, и каждый высказывает внутреннее раздражение.

– «Как отвратительно пахнет!» –

Каждому хочется еще раз дотронуться до пострадавших конечностей, зафиксировать размеренные движения хозяина трупного запаха, раздражить, убежать...

– «Ничего не поделаешь... Придется... отрезать».

И толпа не шарахается, не выражает удивления. Толпа продолжает следить за вычищением пальцев, которым уже не суждено быть пальцами...

И лицо снискавшего людской интерес освещается виноватой улыбкой...

– «Ничего не поделаешь... Придется... отрезать».

Неизвестно, для чего нужно было выражение сострадания, но на минутные улыбки толпы оно возымело желаемое действие. Никто не жаловался –

– «Как отвратительно пахнет!» –

Никто не оспаривал у соседа права на лучший костыль. Всех объединило склонение к пальцам собственных ног. И каждый убеждал другого в неповторимости своего уродства, ощущал забытые травмы, плакал, нюхал базарный чеснок...

Никто не верил, что существуют двуногие.

12 ч. – 1.30

14 февраля

«Извините... Это вам кажется, что я пьяный... Я уже давно... протрезвел... Ну, раз вы говорите, – я пойду... уберусь... Меня ждут комфортабельные канавы... Еще раз – извините».

15–16 февраля

Ни голода, ни эмоций, ни воспоминаний, ни перспектив, ни жажды папиросного дыма...

Одно сплошное ощущение холода.

Вокзальный пол леденит позвоночник, сквозняки преследуют и в тоннелях, и в багажных кассах, колебания атмосферы проникают за ворот и обшлага, ожесточают нервы, заставляют нескончаемо измерять шагами просторы холодных опилок...

Улица срывает пальто, низвергает массы мокрого снега за воротник куртки и в сотый раз вышвыривает на холодные опилки багажных касс...

В глазах – не жареные котлеты и не дамские прелести.

Обычайшие радиаторы водяного отопления.

17 февраля

«Он пришел просто так.

Просто так мы сидели с ним до утра.

И я совсем не ожидала, что так получится».

(Т. Мошкина. Страница «Мемуаров».

Первоначальная редакция)

Мне стыдно!

Мне стыдно!

Мне стыдно!

(Раздумья Мошкиной по оформлению первоначальной редакции. 7 часов вечера)

Повсюду меня преследуют фаллические призраки и ожидание мирского возмездия за преступные блаженства!.. И я уверена – это последние мои преследователи...

Все будет хорошо... Все обойдется без болевых ощущений...

Я заранее уже слышу материнские вопли над телеграммой-молнией...

Я уже сейчас вижу любопытствующие лица толпы растерянных однокурсников...

И среди них...

Все будет хорошо... Все обойдется без болевых ощущений... Газопровод Саратов – Москва вплотную придвигается к моему сердцу... Туман беспамятства окутывает мое существо...

Со слезами в глазах, с болью в сердце и с дрожью в голосе я восклицаю в последний... в последний раз: Я невинна!

Я сердцем невинна!

(раздумья, 9 часов)

Нет... это было бы слишком жестоко. Я должна проститься с ним... Я обязана проститься... В последний раз он волеет в меня... он зародит во мне... (м-м-м)...

...угасшую веру в безгазовое существование... Отодвиньтесь!.. отодвиньтесь, Саратов!

(10 часов)

Ну почему мне стыдно, если половая разнузданность – эпохальна?

Почему потеря половой стыдливости обязательно должна ввергать меня в пропасти стыдливового идиотства?

Почему должна меня смущать эволюция моего собственного организма? –

Если вселенная не приемлет нормы коммунистической стыдливости!..

Ведь сожительствуют и без прописки разнополые небесные ангелы!

Ведь и без загов процветает цивилизованный Париж!

(11 часов)

Я была у него. Гы.

(12 часов)

«Боже... Я пронеслась... как долго я пронеслась!.. В моем обонянии вздрагивают звуки мужского пота! В голове кукарекал восходящий закат!..

Я постигала половое уединение!

Я предавала забвению человеческие присутствия!

Я раздвигала...

...сферы половых возможностей...

Я раздвигала...

...радиус действия полового магнетизма!

С Запада катилась неудержимая сила славянской необузданности!..

И живое... мимолетно-живое!.. воплощение неудержимости всю ночь меня аплодировало».

(окончательная редакция)

18 февраля

Р-р-р-р-р-р-р! Р-р-р-р-р-р-р-р-р!..

19 февраля

Минутку внимания!

Вы меня не совсем правильно поняли!

Я – не оригинал!

Я ничего не отрицаю, хоть и сознаю, что отрицать все – и заодно отрицать нигилизм – чрезвычайно увлекательно и не требует мозговой изошренности!

Человеческие действия могут меня волновать, но никогда не вызовут во мне ни одобрения, ни протеста!

Я не признаю разделения человеческих действий на добродетельные и порочные! Если мои действия удовлетворяют меня – и людей, внушающих мне чувство удовлетворения самим фактом своего существования, – в этом случае в их и в моей власти признать удовлетворительными для нас порочность или добродетельность моих действий!

Если же оценка моих действий проистекает от человека, мне незнакомого и, следовательно, порочного в силу незнакомства со мной («он позволяет себе наглость не знать меня!»), – я не премину доказать обратное!

Если мои убеждения – логически верные, я торжествую! В противном случае – без промедления отрицаю логику!

Я – человек дурного вкуса и животного обоняния!

Я никогда не бываю счастлив, в обычном понимании! Я могу только иметь вид человека, напуганного счастьем!

Я даже не разграничиваю понятия «счастье» и «несчастье», точно так же как не различаю вкуса голландского и ярославского сыра!

В лучшие минуты – я могу преследовать цель, но непременно – цель, убегаящую от меня ленивым галопом! Рысь и аллюр меня не прельщают!

Общечеловеческие понятия красоты ввергают меня в состояние недоумения! Мне понятно наслаждение мелодичностью звуков! – Мелодичность – выражение грусти! А грусть не может не быть красивой!

Мне понятно восторженное восприятие природных красот! Но чем более привлекательны для человеческих восприятий произведения искусства, тем более они искусственны!

Немногие произведения искусства могут и во мне разливать удовлетворение! – Так же, как может восторгать меня вынужденная грациозность в движениях человека, скованного ревматизмом!

Красиво уложенный навоз может услаждать мои взоры! Но созерцание мраморных апофеозов итальянской красоты не может вызвать во мне ничего, кроме отвращения, в лучшем случае – равнодушия!

Я – человек относительно нравственный!

Незнакомые люди вызывают во мне чувство равнодушного озлобления, а все прочие относятся мною к разряду любимых или презираемых – в зависимости от степени лестности их собственного мнения обо мне!

Для меня не существует предательства просто! Я отвергаю предательство, одухотворенное благородными целями! И считаю совершенно естественной способность человека к предательству ради удовольствия быть предателем!

Мне безразличны половые проблемы! Но я с восторгом приемлю любой намек на бисексуальность!

Всякое половое откровение вызывает во мне отвращение! Но половые извращения всегда будут значиться в моем сознании как высшее проявление прогресса человеческой психики!

Я – оптимист!

И склонен полагать, что все мне не нравящееся – комплекс моих капризных ощущений!

Я восторженно приветствую любое отклонение от нормально человеческого! Но я не могу понять, почему отдается предпочтение «возвышению», если «верх» и «низ» – однородные отклонения от общечеловеческого уровня!

К тому же возвышение – временно!

А быть «ниже» – по свидетельству физических законов – гораздо более устойчиво!

Я не верю в существование людей искренних и принципиальных! Можно уверить себя самого в своей принципиальности! Можно быть принципиальным из принципа! (Бык – упрям, а следовательно, принципиален!)

Но ведь гораздо легче – не менять своих мнений, вовсе их не имея!

Что же касается взглядов, то «собственное мировоззрение» – так же банально, как «коран толпы» и «огнь желанья»!

20 февраля

Пейте... пейте...

Пока еще на дворе потепление...

Пока еще моя рука сдерживает дрожание крана...

И вас не отпугивает...

Пейте...

Бедные «крошки»...

Я вместе с вами чувствую приближающееся похолодание...

И кутаюсь вместе с вами...

Пройдет неделя...

Другая...

Снова заговорит с вами ожившее...

А меня с вами уже не будет...

И вы не напьетесь...

Не напьетесь...

1.30 ночи

22 февраля

– Гранька, я тебя ебать больше не буду.

– А на хуй ты мне сдался сам-то... Другие поебут...

– Ну! Что другие! У меня ведь все-таки хуй 22 сантиметра... А это все – шваль.

– Катись-ка ты в манду, поросенок! Как будто у тебя у одного двадцать два сантиметра...

Другие полюбят!..

– Ха-ха-ха! Другие! Кому это захочется тебя любить?! У тебя же пизда рюмочкой!

– Рю-ю-умочкой, поросенок! Такую рюмочку ты еще поищешь! Рюмочкой... Сам ты...

– Вот у других – стаканчиком пизда! Вот уж этих хорошо ебать... Продернешь пару раз на лысого – сразу полюбишь... А это – что!.. Грязи, наверно, у тебя полная манда!..

– Дурак поросенок! Грязи-то у тебя на хую, наверно, много... А у меня-то нет... Можешь не беспокоиться...

26 февраля

А ведь я где-то и раньше слышал это.

Даже не так давно.

Помню, еще в апреле прошлого года я возлежал на перилах заветной лестницы и каждое колебание противоположной двери отдавалось во мне учащением дыхания. Я был вне себя от эротических восторгов. Тогда я воспринимал знакомые звуки почти безболезненно...

Нет, все-таки это были не те звуки...

Я не мог их тогда слышать...

Чудовищная смесь национальных мотивов сотрясала мои барабанные перепонки, и я забывался в сексуальном головокружении.

Помню, уже в конце апреля, обыкновенный стул был для меня иконой. Апрельский воздух раззадоривал слизистые оболочки моего воображения скипидаром пережитых восторгов...

Я ничего не слышал, для меня начинался сумасшедший май...

Я почти бессознательно переходил в горизонтальное состояние, ставшее для меня нормальным вплоть до наступления нового года...

Как сейчас помню...

Я ничего не говорил и только упивался мелодией знакомого голоса, единственным моим желанием было прикоснуться к источнику голоса, – и любое прикосновение ввергало меня в бездны половых водоворотов и убийственного головокружения.

То был всего-навсего май, в который ничто, кроме уличных мелодий, меня не сопровождало... И даже тогда, когда объект моих желаний возлагал ладонь на мой страдающий лоб и заставлял меня лежать в таком состоянии, – даже тогда я не слышал того, что слышу сейчас.

А ведь тогда «можно было услышать столько...»

И все-таки в июньские дни только романс Верстовского действовал на меня успокаивающе... Не знаю почему – но июньская вершина всех моих жизненных половых влечений охватывается только этими звуками...

Вероятно, я был просто невероятно симпатизирующим мальчиком, и предметом моих помыслов могла быть только двадцатипятилетняя женщина... Не знаю, но даже эта странная ассоциация совершенно не объясняет мои июньские музыкальные вкусы.

И весной объект моих помышлений не казался мне святыней. Но осенью грубое извращение нежности представлялось мне даже поэзией... Пихнуть локтем в желанную грудь и произнести при этом «У-у-у, жирная», – значило в сентябре – получить два высококачественных пирожных, столько же трогательных хватаний за руки и дюжину ласковых взглядов.

Многое мне не нравилось.

Мне не нравились в октябре ее настойчивые стремления овладеть моей рукой и в течение десятков минут почти ежедневно гадать по ней...

Не нравилась ее привычка курить папиросы, передавая их бесконечно «из уст в уста» и при этом покрываться стыдливой краской...

Не нравились, кроме всего прочего, ежедневные посещения и глупые чередования материнской заботливости с показным равнодушием.

И вдруг – ноябрь... Я даже не запомнил этого дня, я никогда не прощу себе того, что я не запомнил этого дня... Не знаю, чем меня привлекло это новое... может быть, тем, что я живу только прошлым... и все, чем я в данный момент существую, только в будущем может быть пережито мною...

Не знаю, – но каждый звук ее голоса меня облегчает.

27 февраля

С утра – состояние нравственного туберкулеза.

Почти непреодолимое желание еще раз услышать, вбить в голову и бесконечно насвистывать.

Неужели же я совершенно свихнулся?

И у меня больше нет другой отрады?

28 февраля

Дайте мне чего-нибудь глотнуть, господа!
И, еб вашу мать,
«Пусть будет завтра и мрак, и холод, –
Сегодня сердце отдам лучу!»

1 марта

Vestibulum находится в нижнем конце sinus urogenitalis, представляющего продолжение первого; эта часть носит название vestibulum vaginae; в нее открывается uretra.

Когда промежность и уретроректальная перегородка уже сформировались, то передний отрезок клоаки носит название sinus urogenitalis. Но такое обозначение не соответствовало бы действительности, потому что в данный момент Мюллеровы каналы еще не открываются в Sinus.

В этот период оба канала, имея вид рядом лежащих эпителиальных трубок, лишены мезодермальной оболочки и еще не достигли уретроректальной перегородки.

Нижние концы каналов заполняются клеточными элементами многослойного мостовидного эпителия, а при достижении Sinus'a Мюллеровыми протоками – происходит смешение эпителия Мюллеровых каналов с эпителием Sinus'a. К этому времени нижние концы Мюллеровых каналов открываются во влагалище.

Большую часть в образовании hymen'a и выделительного канала аллантоиса, как об этом свидетельствует Koch, играют Вольфовы каналы, ниспадающие в железы Scene Kochs.

Glandulae Bartholinii или Huguier развиваются в кавернозные тела Glans clitoridis.

На основании такой связи можно установить гомологию между bulbus urethrae и hymen, соединяющих Praeputium clitoridis с Corpora cavernosa penis. Что же касается замедленного впадения Мюллеровых каналов в Sinus urogenitalis, то этот факт сам по себе очень важен для объяснения человеческих пороков.

2 марта

Мне холодно... я зябну... и все они умерли... умерли...

3 марта

Ровно в восемь я покинул зал ожидания.

На пути следования ничто не привлекло мои взоры, и я прошел почти незамеченным.

Добравшись наконец до Грузинского сквера, я был остановлен массой движущихся по всем направлениям скотов. Одни пытались перепилить ножом каменную шею Венеры Милосской, другие выкрикивали антисанитарные лозунги.

Одним словом, никто не обратил на меня внимания, – и только стоящий поодаль и, видимо, раздосадованный чем-то шатен ласково протянул мне потную ладонь.

– Вы, случайно, не Максим Горький?

– Собственно... ннет... но вообще – да.

– В таком случае – взгляните на небо.

– Ннну... звезды... шпиль гастронома... «Пейте натуральный кофе»... ну... и больше, кажется, ничего существенного.

Шатен внезапно преобразился.

– Ну, а... лик... Всевидящего?

– Гм.

– То есть как это – «гм»? А звезды?! Разве ничего вам не напоминают?..

– Что?!! Вы тоже... боитесь... Боже мой... Так вы...

– Да, да, да... а теперь – уходите... я боюсь оставаться с вами наедине... идите, идите с богом...

И долго махал мне вслед парусиновой шляпой.

4 марта

А мне, может, тоже не нравится, что вы на меня смотрите, – вы думаете, если я вижу себя, то загрязняю кабину? А вы забыли спросить меня, от меня ли это зависит?

Вы думаете, я не вижу ваших подбородков, даже если сохраняю полнейшее спокойствие? Или меня нет – вообще? Вы, наверное, и не знали раньше, как заглядывать в чужое окно.

А я, например, еще и раньше понял, что в этом нет ничего предосудительного. Представьте себе – я, может быть, завтра же, с утра, предстану перед ухмыляющимися «хозяевами», – а не хватит решимости – пред судом Божиим.

Слишком много стоило мне начало марта, чтобы отказаться от мелочности моего различия. Пусть оно и «угнетало», и вызывало собственное недоумение, – я не жалею, что с ног до головы закрылся от непонимающих взглядов. Да и не все ли равно, был или не был таким же.

Если даже я иногда получал от него удовольствие, – оно исчезало, как только я открывал окно.

Даже у того, кто плакал, хватало силы советовать, – мои уловки были слишком беспомощными.

И теперь вот – снова, стоит мне увидеть человека, я ускоряю шаг. Не потому, что я боюсь, – а просто привык исключительно на все смотреть сбоку. Странная эта манера, если человек уверен, что за ним никто не следит.

Оказывается, это даже прозаичней, чем мания преследования. Там человек боится. А здесь – просто уважает равнодушных людей. Для меня лично только поэтому нет никакой возможности щеголять трауром.

Может быть, это и к лучшему. По крайней мере, нет и никаких надежд на полную успокоенность.

Все бы это прошло и незаметно, если бы не двадцатимесячный страх. С тех пор, наверное, у меня невероятная симпатия ко всему синему и ко всему тому, что положено поперек.

Часто я пытался проверить правильность, – иногда заходил просто, иногда расспрашивал мемуары – и всегда недовольные двусмысленно улыбались.

Что их заставляло менять положения, – не пойму до сих пор. Вероятно, были слишком в себе уверены. А может, просто – боялись показать вид, что их собственное безразличие почти всегда действует на меня благотворно.

Скоро они и сами убедились в этом – смолкли даже «колхозники». Один тот факт, что я ушел от всего знакомого за три недели до наступления «исхода», вселяет в меня груду мелких уверенностей. Но они слишком малы для того, чтобы успокоить мою «храбрость».

Между прочим, – если даже отбросить все внутреннее, – один вид сытости и белых воротничков заставляет меня устремляться к воротам Большой Грузинской улицы. Боюсь, что ночной бред может меня выдать.

Одним словом, то, что днем вызывает во мне смех, вечером отгоняет все остальные «мыслишки».

То, что в десятом классе меня занимало, на первом курсе заполнилось эротикой, а на втором расшевелило все Бывшее и все Трагедийное, – завтра исчезнет.

«Пролетарии» меня не удержат. Я пойду туда. Завтра.

5 марта

Черт побери, меня пугает тюрьма!

Иначе чем же объяснить то, что я по-прежнему опасаюсь покинуть свою постель и с содроганием смотрю на советские государственные учреждения!

Если разобраться трезво – самое большое, что меня ожидает, – два года.

Даже Кировские показания не дадут ровно ничего!

Странно. Если бы я шел на убийство или на расплату за убийство, я не был бы так взволнован! А здесь – мелкое, отвратительное делишко!

Самое главное – я виноват, но я не чувствую себя виновным! Что же сделать, если я не знал, что виноват!

Я знаю, что за последние четыре дня я отупел небывало. Новая семейная «драма» меня не коснулась совершенно.

Все происходящее – происходит через органы дыхания, не задевая головы. Вчерашняя решимость развеялась первым подозрительным взглядом прохожего. Завтра я должен оставить назойливую постель!

И в конце концов.

Что бы то ни было, – я не пойду! Если угодно – я предпочитаю самоубийство!

7 марта

Проходил по Тишинской площади.

У цветочного магазина закутанный в платок трехлетний младенец держался за материнский подол и необычайно громко выражал свое восхищение:

– Мам! Смотри – хаесые цветочки! – Захотелось схватить младенца за ноги и разбить его головой витрину магазина. Зазнобило. Увидел на себе удивленный младенческий взгляд.

– И майсик – тозэ хаесый!

Слегка потеплело. Против воли – улыбнулся. Зачем разбивать... голову? Просто – взять за обе ноги – и разорвать. А цветы – пусть живут... Бог с ними.

8 марта

У. П. З. Т. Н. Б. – П.

11 марта

Чрезвычайно странно.

Три дня назад я спешил к Краснопресненскому метро с совершенно серьезными намерениями. В мои намерения, в частности, входила трагическая гибель на стальных рельсах.

Не знаю, было ли слишком остроумным мое решение; могу сказать одно – оно было гораздо более серьезным, нежели 30-е апреля прошлого года. И настолько же более прозаическим.

По крайней мере, за два истекших дня я если не сделался оптимистом, то стал человеком здравого рассудка и материально обеспеченным.

Не знаю, надолго ли.

12 марта

«Ну, Венька, ну ты представляешь, что со мной будет, если я тебя не приведу к ней в комнату... Ведь ты же ее больше месяца не видел...»

Да никого там нет! Ни одного человека!.. Я, как увидела тебя в коридоре со Скороденкой, сразу бегом побежала к Тоньке; она даже на каток с нами отказалась идти. Джульетту мы сразу выпроводили в читальню... Светка сейчас у меня в комнате, мы сейчас на каток с ней уходим... Так что никого, Венька, нет! Никого! Одна Тонька!

Ну, иди, Венька, слышишь... Иди... Ну?.. Она же ждет сейчас... И никого целый вечер не будет в комнате... Ведь она даже и на каток не пошла...

Ну, ты просто дурак, Венька... Успеешь ты еще раз десять послушать своего Равеля... Да ну тебя... Мне даже надоело тебя уговаривать... Хочешь – иди к Тоньке, хочешь – слушай Равеля, – мне-то ведь все равно...»

О. Н. 9.30

13 марта

Невыносимо тоскливо.

Наверное, оттого, что вчера весь вечер слушал Равеля.

14 марта

– Так вы что же, Ерофеев, считаете себя таким потерянным человеком? чем-то вроде...

– Извините, я, слава богу, никогда не считал себя «потерянным», – хотя бы потому, что это слишком скучно и... не ново.

– А вы бросьте рисоваться, Ерофеев... Говорите со мной как с рядовым комсомольцем. Вы не думайте, что я получил какое-то указание свыше – специально вас перевоспитывать. Меня просто заинтересовали ваши пространные речи в красном уголке. Вы даже пытались там, кажется, защищать фашизм или что-то в этом роде... Серьезно вам советую, Ерофеев, – бросьте вы все это. Ведь...

– Позвольте, позвольте – во-первых, никакой речи о защите фашизма не было в красном уголке, всего-навсего – был спор о советской литературе...

– Ну?

– Ну и... наша уважаемая библиотекарша в ответ на мой запрос достать мне что-нибудь Марины Цветаевой, Бальмонта или Фета – высказала гениальную мысль: уничтожить всех этих авторов и запрудить полки советских библиотек исключительно советской литературой... При этом она пыталась мне доказать, что «Первая любовь» Константина Симонова выше всего, что было создано всеми тремя поэтами, вместе взятыми...

– Вы, конечно, возмутились.

– Я не возмутился. Я просто процитировал ей Маринетти о поджигателях с почерневшими пальцами, которые зажгут полки библиотек... Библиотекарша общенародно обвинила меня в фашистских наклонностях... А я просто-напросто запел «Не искушай меня без нужды возвратом нежности твоей...».

– Послушайте, Ерофеев, вы не можете мне сказать, за что вы питаете такую ненависть к советской литературе? Ведь я не первый раз встречаю подобно настроенных молодых людей... Я думаю – это просто от незнания жизни.

– Да, наверное, от этого.

– И, вы понимаете, Ерофеев, – вот вы, наверное, еще не служили в армии? – ну что ж, будете служить. И там вы поймете, что значит жизнь. Настоящая жизнь. И, вы представляете, – вы служите во флоте, ваша девушка далеко от вас, вы – в открытом море... И вот вся эта дружная, сплоченная семья матросов запекает песню о девушке, которая ждет возвращения матроса, – ну, одним словом – простую советскую песню, – ведь вы с удовольствием подпоете... Уверю вас – если вы попадете в хороший коллектив, вы сделаетесь гораздо проще... Гораздо проще...

– Не думаю... По крайней мере, мой, извините, духовный мир никогда не сузится до размеров того мирка, которым живут эти ваши любящие матросы.

– Гм... «любящие»? Узкий мирок? Вы, наверное, никогда не были любящим?

– Наверное.

– Почему – наверное?

– Тттак... Видите ли, – я вообще не собирался касаться интимных вопросов...

– Ну, ладно... Хе-хе-хе... Вы комсомолец, Ерофеев?

- Да... комсомолец.
- Авангард молодежи?
- Видите ли, я давно поступал в комсомол и...немножко запомнил, как там написано в уставе – авангард или арьергард...
- Вы мило шутите, Ерофеев...
- Да, я с детства шутник.
- Оччень жаль... оччень жаль... А вы не знаете, по какому поводу я спросил вас – комсомолец вы или нет?
- Откровенно говоря... теряюсь в догадках...
- Гм... «Теряетесь в догадках»... А ведь догадаться, Ерофеев, не слишком трудно... Знаете, что я вам скажу, – вы никогда не сойдете с правильного пути нашу молодежь – и, пожалуйста, бросьте всю эту вашу... пропаганду...
- О боже! Какую пропаганду?!
- Каккой же вы милый и невинный ребенок все-таки! Вы даже не знаете, о чем идет речь! «Теряетесь в догадках»! Знаете что, Ерофеев, – бросьте кривляться! Поймите ту простую истину, что вы стараетесь переделать на свой лад людей, которые прошли суровую жизненную школу и которые, откровенно вам скажу, смеются и над вами, и над той чепухой, которую вы проповедуете... Смеются и...
- Извиняюсь, но если я говорю чепуху и все смеются над этой чепухой, так почему же вы так... встревожены? Ведь вы, я надеюсь, тоже прошли суровую жизненную школу?
- Я не встревожен, Ерофеев. Я тоже смеюсь. Но это не простой смех. Когда я вижу здорового, восемнадцатилетнего парня, который, вместо того чтобы со всей молодежью страны бороться за наше общее, кровное дело, только тем и занимается, что хлещет водку и проповедует какое-то... человеконенавистничество... – мне становится даже страшно! Да! Страшно! За таких, извиняюсь, скотов, которые даже не стоят этого!
- Чего – «этого»?
- Да! которые даже не стоят этого! Вы знаете, что мой отец вот таких вот, как вы, в сорок первом году расстреливал сотнями, как собак расстреливал?! Эти...
- Вы весь в папу, товарищ секретарь.
- А вы-ы не-е издевайтесь надо мной!! Не из-де-вай-тесь! Слышите!?! Издеваться вы можете над уличными девками! Да! Издеваться вы можете над уличными девками! А пока – вы в кабинете секретаря комсомола!
- Извините, может, вы мне позволите избавить вас от своего присутствия?
- Я вас нне задерживаю – пожалуйста! Но, говорю вам последний раз – еще одно... замечание – и вас не будет ни в комсомоле, ни в тресте... Я сам лично поставлю этот вопрос на комсомольское собрание!
- Гм... Заранее вам благодарен.
- Не стоит благодарности! Идите!! И заодно опохмелитесь! От вас водкой разит на версту...
- А я бы вам посоветовал сходить в уборную, товарищ секретарь. Воздух мне что-то не нравится... в вашем кабинете.

15 марта

И все-таки.

Что бы со мной ни было, – никогда ничто меня не волнует, кроме, разве, присутствия Музыкантовой.

В этом смысле я следую лучшим традициям.

Прадед мой сошел с ума.

Дед перекрестил дрожащими пальцами направленные на него дула советских винтовок.

Отец захлебнулся 96-градусным денатуратом.
А я – по-прежнему Венедикт.
И вечно таковым пребуду.

16 марта

Ах, господа, мне снился сегодня очаровательный сон! Необыкновенный сон!

Мне виделось, господа, что все меня окружающее выросло до размеров исполинских, вероятно, потому, что сам я превратился во что-то неизмеримо малое.

Я уже даже не помню, господа, в какую плоть я был облечен. Могу сказать только одно – я не был ни одним из представителей членистоногих, потому что на лицах окружающих меня исполинов не выражалось ни тени отвращения.

Ах, господа, вы даже не можете себе представить, каким уморительно жалким было мое положение и каким невыносимым насмешкам подвергалась личность моя!

Одни сетовали на измелъчание человеческого рода.

Другие предлагали в высушенном виде поместить меня в отдел «Необыкновенная фауна».

Третьи рассматривали меня через вогнутое стекло, – и это было для меня всего более невыносимым.

Члены Политбюро тыкали пальчиком в мой животик. Отставные майоры проверяли прочность моих волосяных покровов. Служители МВД совершенно бездоказательно обвиняли меня в связях с Бериею. А один из вероломных сынов Кавказа предложил даже изнасиловать меня.

Ах, господа, вы даже представить себе не можете, до какой степени уязвлены были мои человеческие чувства. Ибо – кем бы я ни был тогда – чувства человеческие по недоразумению во мне сохранились.

Я ронял из глаз миллиарды слез, сквозь слезы цитировал графа Соллогуба, подбирая выражения по возможности «жалкие», – на какие только ухищрения не пускался я, дабы вымолить у них снисхождение...

Я знал, что все эти чудовищные создания в действительности жалеют меня и в душах их, смягченных присутствием существа беззащитного, нет ни тени насмешки...

Я не верил, что исполины эти совершенно искренне – неумолимы.

Но снисхождения не было. И я бы погиб, господа, погиб неминуемо, если бы вдруг... (вдруг!) ослепительный свет белого кителя не рассеял мрака окружающей меня звериной непоклонности.

И не только я – все неожиданно осознали, что только он – он, излучающий ослепительный свет, имеет законное право над моей судьбой властвовать.

Ах, господа, этот человек мог раздавить меня указательным пальцем, этот человек мог подзадорить безумство гигантов. Он мог, наконец, остановить глумление и спасти меня от ревушей толпы, подвергавшей меня осмеянию...

Но именно-то в это мгновение, господа, я проснулся. Да, черт побери, как это ни плачевно, я проснулся и вынужден был оставить вдохновенное ложе свое.

В состоянии не то грустной неопределенности, не то неопределенной грусти запахнулся я в простыню и подошел к растворенному окошку, дабы созерцанием мартовского утра растворить тягостный осадок, оставленный в душе моей исчезающим сновидением.

Все действовало на меня успокаивающе. И занесенные снегом деревья, которые чем-то напоминали мне клиентов 144-й парикмахерской, еще не успевших закончить священный обряд браздобрейства. И совершающий утреннюю прогулку страж внутреннего спокойствия. Одним словом, исключительно все, что попадало в поле моего зрения.

И вы представляете, господа, настолько удачно белый китель милиционера гармонировал с белым блеском заиндевелых деревьев, настолько умиротворило душу мою созерцание мартовского пробуждения, что все существо мое неудержимо охватило желание согреть на груди своей стража утреннего спокойствия.

Да, да, господа, можете не удивляться странности моего желания, – его выполнение было слишком реально для удовлетворенного существа моего. По крайней мере, я был в этом совершенно уверен, когда нахлынувшая на меня буря родственных чувств заставила меня с четырехметровой высоты пасть на шею моего благодетеля.

Да, я действительно пал ему на шею, я залил слезами белый китель его, спасший меня в минувшем сне от насмешек неумолимой толпы.

«Миленький мой, – сквозь слезы шептал я ему, между тем как он, опрокинутый на землю, пытался освободить горло от цепких перстов моих, – миленький мой, ведь это же были вы, ведь, если бы я не проснулся, вы обязательно спрятали бы меня в карман... не правда ли?... Да, да, да, я вам всегда говорил, что все они – отвратительные насмешники...»

Ах, господа, если бы вы могли понять, насколько чистосердечными были слезы мои и благодарности, обращенные к телу уже бездыханному, но все же милому моему сердцу. Для меня безразличны были и рев сбежавшей толпы, и град неистовых проклятий, которым осыпали беспомощное существо мое.

«Ведь я же всегда говорил вам о тщете суеты мирской, – продолжал я, переводя взоры с бездыханного трупа на пробивающегося через толпу милиционера, – тогда вы были еще великопнее, а потомок Багратиона покушался на невинность мою! Снова судьбы мои в ваших руках, благодетель мой, – и все равно через мгновение я уйду от правосудия вашего –

Я просыпаюсь».

7.00 веч.

17 марта

Ссскоты!

Они думают, что тоска по их физиономиям заставляет меня посещать Стромынку!

18 марта

«Такой чудак – этот Ерофеев. Вечно что-то читает, читает... Пьет охуительно».

Николай А.

«Молчит-молчит, целыми сутками молчит, а потом сразу что-то нападет на него, – так и не узнаешь: хохочет, как жеребец, матом ругается, девок шупает. И вечно это свою „Не искушай“ поет».

Аграфена З.

«А денег ему не давай – это ведь такой пропойца!»

Мария С.

«Знаешь что – я сам чудак, много чудачков видел, но такого чудачка первый раз встречаю».

Анатолий П.

«А что Венька скажет?! Да ничего он не скажет. Опять будет под окном Абрамова петь:

Избавь твою Саг'у от пытки напг'асной!

Взгляни еще г'аз на меня, Мой ангел пг'екг'асный!»
Александр С.

«Ну, уж если Ерофеев скажет что-нибудь такое – так вся абрамовская бригада за пупки хватается».
Геннадий С.

«Грамотный человек... О политике так умно рассуждает – его никак и не переспоришь. Не знаю, за что его выгнали из института... За пьянство, наверное».
Геннадий С.

«Да-а-а, что пьет, так это пье-о-от».
Иван А.

«Черт его знает, что у него на уме. Темный человек... непонятный. Уж из человеческой шкуры хочет вылезти... все у него поперек, все не так...»
Анна С.

«Венька, признайся, что ты иностранный агент. Я же вижу».
Анна Б.

«А тюрьмы ему не миновать».
ладимир А.

19 марта

Вспомнилось неожиданно все прошлогоднее. Показалось странным, что то, что еще недавно казалось только что пережитым, теперь – в полнейшем тумане.

Предался тоскливому пьянству.
Напившись, бормотал невнятное.

20 марта

– Послушай, ну вот что тебе нужно, – ну тебе сейчас девятнадцатый год, предположим. Будет тебе девятнадцать – будешь увиваться за девками. В 26 лет женишься, отработаешь век свой на пользу государства, воспитаешь детей... Ну, и умрешь тихонечко без копейки в кармане.

– И неужели ты считаешь это образцовой жизнью?

– Нуу... образцовой – не образцовой, по крайней мере, все так живут. И ты проживешь точно так же.

– Извиняюсь, сударыня, если бы я знал, что у меня в перспективах – обычная человеческая жизнь, я бы давно отравился или повесился.

– Давно надо бы.

– Да, конечно. Однако же я все-таки живу. Ну, а вот ты, Анечка, тебе девятнадцать лет – мне все-таки интересно знать, что у тебя сейчас в голове.

– Как это так? Ннну... вот сейчас, например, думаю, скоро ли пять часов, хочу вот себе платье купить, на танцы сегодня пойти.

– И все?

– Нет, почему... а вообще-то, для какого черта это тебе надо знать? Что это ты экзаменуешь меня, как английский шпион?

– О боже мой! Если бы я был английским шпионом, милая, меня бы совсем не интересовал образ мыслей рядовой пролетарской девки.

– Так а для чего же тебе это все надо?

– Ттак просто... противно мне что-то смотреть на вас, господа пролетарии... Пошло вы все живете...

– Э-э-эх... «противно ему смотреть»! да ты бы сначала на себя посмотрел, как ты живешь, ты же как первобытный человек живешь – одеваешься черт знает как, на танцах никогда не бываешь, в кино не ходишь... я бы давно подохла с тоски.

– Да, я тебе слишком сочувствую... Остаться тебе одной – значит действительно «подыхать с тоски». По крайней мере, известно, что человек мало-мальски умный, оставшись вне общества, бывает все-таки наедине со своими мыслями. Вам же, госпожа пролетарка, поневоле приходится тяготиться полным одиночеством.

– Я нничего не понимаю, что ты за чепуху порешь...

– Ну и слава богу... Мне даже приятно сознавать, что человек со средним образованием не может понять самых простых вещей...

– А что ты мне тыкаешь образованием?! Я, может, больше тебя в жизни разбираюсь... И не «может», а точно...

– Охотно тебе верю, Аничка... Ты видела гораздо больше меня; можно дожить до семидесяти лет и увидеть еще больше – и в довершение всего вздохнуть: «М-да, тяжелая эта жизнь». Да черрт побери, это все равно что объехать целый свет, накопить громадное количество впечатлений, вернее – иметь возможность их накопить, – и по возвращении сказать только: «М-да, а земля все-таки круглая», когда это давно всем известно!

– Ну вот, опять ты ерунду понес, ты же совершенно не знаешь ничего и знать ничего не хочешь... книжками только интересуешься...

– Постойте, а чем же вы интересуетесь еще, кроме вот только что перечисленных вещей?

– Хотя бы своей жизнью интересуюсь... Сидишь вот без копейки, – так поневоле будешь думать о своей жизни... и смеяться над такими вот дураками, которым все равно...

– Позвольте, позвольте, Бабенко, – вы жалуетесь на материальную необеспеченность, – и я вам вполне сочувствую – вам необходимо, предположим, заработать десять рублей в день. Чтобы заработать эти деньги, товарищ Бабенко, вам надо ежедневно нагрузить на машину, сгрузить и уложить в штабеля тринадцать тысяч штук кирпичей – это почти 25 тонн! Теперь представьте себе, Бабенко, что десяти рублей вам хватит только на хлеб и соевые бобы. Если вы не хотите разгуливать по столице голой и иметь к тому же катар желудка, нагрузите 75 тонн...

– Э-э-эх...

– Постойте, постойте. Вы скажете, товарищ Бабенко, – я не лошадь! Вам ответят таким же тоном – ах! если вы не лошадь – вкушайте соевые бобы и страдайте катаром желудка! Как видите – все в пределах законности!

– Ну, и к чему ты все это?

– Гм... минутку терпения! Теперь... у вас, конечно, возникает вопрос: кто же виноват в том, что мне приходится выполнять лошадиную работу – только чтобы обеспечить себя черным хлебом? Ведь, надеюсь, не Абрамов, который получает указания от Зеленова, не Зеленов, который полностью подчиняется Суворову... ну... и так далее... Одним словом, в розысках виновного вы доберетесь до государственного аппарата. А разве вы имеете что-нибудь против Советской Власти? Вы ведь только сейчас осуждали мою антисоветскость, и потому вы совершенно лояльны. Ттта-ак. Но, может быть, вы только внешне боитесь высказываться против Советской Власти, а внутренне вы готовы ее низвергнуть – в таком случае вы, товарищ Бабенко, выражаете идеологию буржуазного класса, ибо, как явствует из статьи Владимира Ильича Ленина «Партийная организация и партийная литература», – «тот, кто сегодня идет не с нами, тот против нас»! Вы доверяете Ленину, товарищ Бабенко?

– Слишком.

– Гм... Прекрасно. Но ведь вы, кажется, не питаете особой любви к буржуазному миру – 5 минут назад вы говорили: «Живешь вот, как в Америке!» Вероятно, ваше мнение об Аме-

рике совершенно искреннее. Лев Толстой сказал как-то: «Женщины всегда искренни своим телом...» Вы телом искренни, товарищ Бабенко?

– Угу.

– Чюдненко. Отсюда следует, что вы ни внешне, ни внутренне ничего не имеете против Советской Власти – и все-таки выражаете недовольство своим существованием! Вы без ума от Никиты Хрущева – и тем не менее вам хочется кушать, видите ли!

– Шпион...

– Вот именно! Далее – вы, вероятно, полагаете, что государство внемлет вашим стенаниям и осыпет вас благодеяниями за ваш непосильный труд... Следует напомнить – руководство нашего треста обращалось с петицией к строительному министерству – однако министерство отказалось повесить расценки! Вам остается только одно – вдохновляться тем, что ваши потомки будут полностью удовлетворять свои потребности. Они возблагодарят вас, товарищ Бабенко!

– А мне – срать на потомство.

– Гм... Наконец-то слышу «глас пролетария»! Чюдненко!.. Чюдненко!.. Так – чоррт поberi!! – Аничка, – неужели же блекнуть вашим дивным формам?! Плюньте на...

– Бро-ось!

– Плюньте на слезы и христианское смирение! К вашим услугам – Белорусский вокзал! Взбунтуйтесь против человеческой морали! Ведь убивают же, грабят, валяются в канавах люди! И умные люди!

А что же? Ведь и у вас нет другого выхода! Ложитесь в прохладу вокзального сквера, обнажайте свои пышные перси, зазывайте клиентов, ччоррт поberi!

– Перестань... Венька!

– «О, кто бы ты ни был, прохожий, пади на грудь мою! Отумань разум мой! Исцелуй меня всю! „О, сжимай меня в страстных объятьях“! (Ведь не жрать же мне соевые бобы, в конце концов!) Раствори меня в себе, о прохожий! Я утопаю в... целуй меня! Еще! Еще! Один рубль! Два рубля! Три! Пачка маргарина! Полкило колбасы! Ах!»

– Ха-ха-ха-ха! Нет, Венька, ты просто гений! Только я не понимаю, почему тебе все – смешно!

– То есть как это – смешно? В материальной необеспеченности я просто не вижу никакой трагедии... Ну, а если для тебя это трагедия, так...

– Не понимаю, что ты за человек!

21 марта

Я прежде всего – психопат. И потому нагромождение нелепостей может считаться даже достоинством только что мною выпущенной «теории дней недели».

Гениальные мои гипотезы о магическом влиянии пятницы на судьбу мою никого еще не заставили мистифицировать «свой» день недели и цифирно узаконить мистификацию. Поэтому я беру на себя обязанности первооткрывателя.

Во-первых, самые мрачные дни моего существования:

1 июля 55 г., 4 мая 56 г. и 8 марта 57 г. – приходились на пятницу. Все три дня ознаменованы «покушениями» на самоубийство.

Далее: пятницей обозначены все четыре кульминации моей половой чувствительности: 11 мая 56 г., 15 июня 56 г., 7 сентября 56 г. и 21 декабря 56 г.

В пятницу 15 июня 56 г. скончался мой отец.

В пятницу 5 октября 56 г. скончался мой брат.

В пятницу 15 февраля 57 г. – моя матушка.

Далее. Обстоятельства чисто прозаические:

В пятницу 24 июня торжественно был вручен мне золотой аттестат. День моего первого вселения в студенческое общежитие – 2 сентября 55 г. и день моего «последнего выселения» – 8 февраля 57 г. – неоспоримые пятницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.